

СТУДЕНТ

1968

11/12

СТУДЕНТ

ЖУРНАЛ АВАНГАРДА СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

11-12

1968

Copyright Flegon Press 1968

24, Chancery Lane,

London, W. C. 2.

©

---

*Printed in the United Kingdom for Flegon Press
by Multilingual Printing Services
200 Liverpool Road, London, N. 1.*

Александр Солженицын

СВЕЧА НА ВЕТРУ

(СВЕТ КОТОРЫЙ В ТЕБЕ)

КАРТИНА 1

(Легкий холл. По двери слева и справа. Позади — неогражденный вид на океан. Там проходят парусные яхты, иногда — катера с водными слаломистами, всё ослеплено летним дневным солнцем.

Газовая плита, холодильник. Развешена и расставлена разнообразная кухонная посуда, набор сковородок. Поблизости и обеденный стол. Здесь МАВРИКИЙ. Он высок, плотен, у него величавая почти облысевшая голова, пенсне, повязан фартук.

Соты с пластинками, у открытой радиолы — сидит АЛЕКС КОРИЭЛ. Холл залит радостным рондо из 2-го фортепьянного концерта Бетховена. Алекс поддерживает мимикой основную набегаящую мелодию).

МАВРИКИЙ — Один из важных критериев человеческого вкуса — сыр. Какой ты предпочитаешь сыр, Алекс?

АЛЕКС *(радостно смеется, жестикулирует, слушает)* — Не разбираюсь, дядюшка, любой.

МАВР. — Любой? Нет, ты-таки дикарь! — *(подходит ближе)*. Может быть, ты...

АЛЕКС — Дядя Маврикий! Почему вот я старую музыку люблю, а новую нет? Как бы ты сформулировал — чем отличается музыка двадцатого века от девятнадцатого?

МАВР. — Может быть ты и помола кофе не можешь определить, когда пьешь?

АЛЕКС — А он имеет значение?

МАВР. *(хохочет, выключает музыку)* — Нет, ты — совершенный дикарь!!

АЛЕКС *(делая слабую попытку включить)* — Дядюшка! Дай дослушать.

МАВР. — А-а, всё это слышано и переслышано. Подаю я тебе весь ящик, ладно. *(окончательно преградив)* В сорок лет тебе надо начинать жить с самого начала.

АЛЕКС — Да. Я так и собираюсь.

МАВР. — Но с того ли конца ты собираешься? Я у тебя замечаю чудоватные какие-то высказывания. Нам бы с тобой поговорить, поговорить неторопливо... Ну, иди садись. Сейчас я тебя накормлю за все пятнадцать лет!

АЛЕКС — С фронтом — восемнадцать *(переходит к столу)*.

МАВРИКИЙ — Восемнадцать?!.. Начинай с угря, а отбивная должна дойти медленно, чтоб сохранились соки.

АЛЕКС — Дядя, мне, честное слово, неудобно! Ты из-за меня... всю эту женскую работу...

МАВРИКИЙ *(хлопоча у стола, серьезно)* — Алекс. Вот в этом треугольнике, холодильник-плита-обеденный стол, любимое теперь времяпрепровождение. Началось когда-то с того, что я никому не доверял варить кофе, но постепенно вник и в другие операции и теперь часто готовлю на всех троих. Ведь чужой человек не может готовить с любовью. И тут надо много сообразительности, значит такта. В девяноста пяти случаях хозяйки не готовят пищу, а губят её, да будет тебе известно! А осложняется дело тем, что страшно отстают поварские книги. Я подписан на «Вестник гастрономии». Он ведется в согласии с новейшей медициной. Ну, раз ты ничего не понимаешь, то и пей, что дают. За начало твоей жизни! *(пьет)* Вот этот салат бери. Всё-таки я не могу примириться — почему ты за все годы ни разу не написал?

АЛЕКС — А о чем бы, дядюшка, я тебе писал? И — зачем? Хотя бы затем, чтоб я тебе помог! Ведь тебе было несладко?

АЛЕКС — Судебная ошибка. Все улики так плотно сводились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах. Меня и друга моего взяли прямо из армии после войны, осудили на десять лет и послали

в Пустынную Каледонию. И там мы отгрохали девять из десяти. Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу. Нас освободили, извинились, — но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?

МАВРИКИЙ — Потерянные годы!

АЛЕКС — Нет, не то, что потерянные. Это очень сложно. Может быть даже — необходимые...

МАВРИКИЙ — Как это — «необходимые»? Что ж, по-твоему, человеку необходимо сидеть в тюрьме? Проклятье всем тюрьмам!

АЛЕКС (*вздыхает*) — Нет, не так просто. У меня бывают минуты, когда я говорю: благословение тебе, тюрьма!

МАВРИКИЙ — Ду-рак!... Ага (*встает к плите*) Вот самое время есть отбивную! Вот когда она сочится! (*подает*) Клади горошку. А главное — вот эту подливку. Секретом этой подливки обладают немногие на нашем континенте. Я — в их числе.

АЛЕКС — Дядя Маврикий! Не надо. Я отучаюсь есть по столыку. Большую часть того, что мы едим, мы проглатываем совершенно бесполезно.

МАВРИКИЙ — Так, так... (*накладывает ему*) В тебе проступают явственные черты мозгового сдвига. Еда — радость жизни, а ты от нее отучаешься! А тебе она бесполезна! Я думал ты действительно набрался здоровых мыслей в тюрьме. Но я разочарован (*наливает*) Пей! (*Алекс пьет*) Да похвали же вино, мерзавец!...

АЛЕКС — Очень тонкое.

МАВРИКИЙ — Я думаю! Вино — от Гарфа-старшего. Наконец, с тех пор, как тебя освободили, прошло пять лет. Где же ты был?

АЛЕКС — Там и оставался.

МАВРИКИЙ — В Каледонии?

АЛЕКС — У-гм. В маленьком домике на краю огромной пустыни.

МАВРИКИЙ — У тебя не было денег выехать?

АЛЕКС — Не денег. (*пауза*) Убеждений.

МАВРИКИЙ — И на таких убеждениях ты стоишь до сих пор?

АЛЕКС — Да. Почти.

МАВРИКИЙ — *(машет)* — Не устоишь! Перед жизнью? — Не устоишь! *(наливает ему)* Но всё-таки там был... поселок?

АЛЕКС — Поселок. Я преподавал в школе.

МАВРИКИЙ — Но позволь! Но там, наверно, ни газа! ни водопровода! ни канализации!!

АЛЕКС *(смеется)* — Какого там газа! На краю поселка даже не было электричества.

МАВРИКИЙ — Э-лек-тричества?! Так это каменный век! Чем же ты освещался?

АЛЕКС — Свечой.

МАВРИКИЙ — Ослепнуть можно!

АЛЕКС — А у Платона был аккумулятор? У Моцарта двести двадцать вольт? При свече, дядюшка, открывается сердце. А выйдешь наружу — ветер из степи, тянет запахом диких трав! -у-у! И вот именно без электричества, если уж всходит над пустыней луна — так вся вселенная залита луной! — ты помнишь ли это хоть с детства, дядя? Что вы тут моргаете сквозь фонари?..

МАВРИКИЙ — Луна? — Сколько тебе лет? Я тебе завидую. *(вбегает ДЖУМ, глядя не сюда, на море)*

ДЖУМ — Маврушка! Смотри, наш сосед не успел дачу купить, а уж на воде, на лыжах! А мы здесь третье лето живем — ты не можешь мне водного слалома обеспечить, Маврушка?

МАВРИКИЙ *(гневно)* — Как ты с отцом разговариваешь, негодяй?

ДЖУМ *(замечил незнакомого)* — Виноват, я хотел сказать — отцака.

МАВРИКИЙ — А если отец, так можно на голову садиться? Тебе яхты мало? Тебе аквалангов мало?

ДЖУМ *(с достоинством)* — Я не искал конфликта,

отецка! Но я тебя честно информирую: мне нужен водный слалом. Не в твоих интересах вынуждать меня изыскивать средства самому.

МАВРИКИЙ — Какие к черту средства? Откуда они у тебя возьмутся?

ДЖУМ — Я найду. Но учеба моя может при этом пострадать. *(Ушел)*

МАВРИКИЙ *(вдогонку)* — Да уж она и так страдала, куда дальше?.. Черт знает, до шести лет казалось забавным, что он называет меня Маврушкой. А теперь плетью не вышибешь. *(Расстроен)* Что ж ты не скажешь? — кофе налить. *(наливает)* У тебя деньги-то есть, Алекс? Нужны? Скажи честно. *(отвернув фартук, вытягивает бумажник)* Сотню-полторы я тебе дам?

АЛЕКС — Нет-нет, дядя, у меня есть. И вообще — мне очень мало нужно.

МАВРИКИЙ — Где ж не нужно? Ты одет смотри как.

АЛЕКС — А как? Дырок нет.

МАВРИКИЙ — Ч-черт его знает, у тебя понятия!

АЛЕКС — Вот кофе — наслаждение. Сто лет такого не пил.

МАВРИКИЙ — Ага! Значит, ты не безнадежен. Выпьешь второй?.. Кофе надо покупать только у Стилохона, и чтобы мололи при тебе.

АЛЕКС — Скажи, дядя Маврикий... А где... твоя дочь?

МАВРИКИЙ — Альда? Да вообще где-то в нашем городе.

АЛЕКС — Что она делает?

МАВРИКИЙ — Откровенно говоря — не знаю.

АЛЕКС — Вы так давно не виделись?

МАВРИКИЙ — Н-нет, почему? Вот недавно в консерватории отмечали мое семидесятилетие — она пришла. Смотрю — сидит в конце стола. Такая одухотворенная. Я ее представил обществу, все удивлялись, что у меня дочь. Ну, а поговорить не удалось.

АЛЕКС — Значит, вы совсем не видите?

МАВРИКИЙ — Нет, она бывала. После войны. После смерти ее матери. Она приходила, мы ее приласкали. Тилия к ней хорошо относится. Но Альда сама как-то . . . чуждается.

АЛЕКС — Я помню ее еще школьницей — такой прелестной живой девченкой лет пятнадцати. У тебя нет ее фотографии тех времен?

МАВРИКИЙ — И тех должна быть, и на юбилее ее сфотографировали. Да постой, альбомы здесь, на даче, я тебе покажу.

АЛЕКС — Мне очень хочется ее найти. Но справки мне не дали. Она, вероятно, не под твоей фамилией?

МАВРИКИЙ — Даже не скажу. Она носила фамилию мужа.

АЛЕКС — Разошлись? . .

МАВРИКИЙ — Первого. А потом был второй.

АЛЕКС — Ах, вот что . . . Так она сейчас . . . ?

МАВРИКИЙ — Нет, сейчас не замужем. Вообще-то ты прав, положение ненормальное: не знать, где и что дочь родная . . . Я даже сам не понимаю, как это получилось. Ты если найдешь ее, приводи обязательно, приводи!

АЛЕКС — Она мечтала стать пианисткой. Не стала?

МАВРИКИЙ — Ничем она не стала. Она если за всю жизнь делала что-нибудь благоразумное, так это соблюдала правила уличного движения и только поэтому уцелела. Да я и всегда был против ее музыки. Что могла принести ей музыка? Я желал ей устойчивого семейного счастья. Но счастье надо уметь завоевать!

АЛЕКС — Я и тетю Христину хочу найти. Говорят, она в большой бедности.

МАВРИКИЙ — В самом деле! — и Христина, чудачка, ведь тоже еще наверно жива. Неужели она еще жива? Найди, найди ее и мне расскажешь. Надоело мне жить и ничего не знать о родственниках, серьезно. Вот хорошо, что ты нашелся!

(В глубине прерывистый шум мотора. Дорожка высока и нам виден верх въезжающего автомобиля салфирового цвета. Он круто останавливается с резкими выхлопными взрывами и смолкает. Стройная ловкая женщина в дорожном комбинезоне выпрыгивает из него, как подброшенная, бежит и гаечным ключом бьет по капоту:)

ТИЛИЯ — Проклятый тарантас! *(откидывает капот, заглядывает в мотор. В нашу сторону:)* Папка! Жрать хочу! Мясное есть? Подготовь!

МАВРИКИЙ — Отбивная?

ТИЛИЯ — О кэй, отбивная! *(машет и кричит вдаль)* Джу-у-ум! Сюда!
(Углубилась в машину. Вскоре к ней подбегает ДЖУМ, они берутся, чертыхается, брякают инструментом).

МАВРИКИЙ *(спешит к плите, варит)* — Вот и Тилия. Она, тебя, конечно, не узнает. Вы с ней почти ведь и не виделись никогда.

АЛЕКС — По-моему, только в Розовом Каньоне, после рождения Джума. Она тогда надеялась еще вернуться в балет.

МАВРИКИЙ — В балет она не вернулась, но в любительских танцует сейчас. Недавно увлеклась журналистикой. Вообще, Тилия — яркая, многогранная личность. *(жарит)* Да . . . Три раза в жизни я женился, Алекс, — и все три раза на восемнадцатилетних девушках. В старости это как-то утешает . . .

ТИЛИЯ *(оставив Джума возиться, идет в холл в комбинезоне, с большим гаечным ключем в руке)* Мавр! Я готова съесть сейчас дикого жареного кабана! *(увидев незнакомого, останавливается. Алекс поднимается из-за стола)* У нас гости?

МАВРИКИЙ — Нет, родственник.

ТИЛИЯ — Родственник? *(подходит ближе)* Простите, что я в таком виде . . . Но — кто же? . . .

МАВРИКИЙ — Твой племянник.

ТИЛИЯ — Такого взрослого и симпатичного племянника у меня, кажется, нет . . . Не раз ты говоришь, что

племянник, — надо по крайней мере поцеловаться? *(бросает на пол гаечный ключ)* Я — чумазая, грязная, ничего, племянничек? *(целуются)* Как я рада! Я думаю, что папочка не будет ревновать, если я тебя поцелую лишний раз? *(целует)* Но всё-таки, кто ж это такой?

МАВРИКИЙ — Алекс.

ТИЛИЯ — Алекс? . .

МАВРИКИЙ — Сын моей покойной сестры Маргариты.

ТИЛИЯ — Ах, Маргариты? . . . Это мы виделись . . . ?

АЛЕКС — В Розовом Каньоне, перед войной. *(Маврикий жарит)*

ТИЛИЯ — Ах, в Розовом Каньоне! Тот блестящий студент, выпускник университета, золотые надежды, да? *(движения буйной радости)* Ну, как я рада! Ну, как мы рады!! *(целует его. Скороговоркой:)* Где же ты был? Где пропадал? Почему не писал? Рассказывай! *(отступает)* Ты видишь, какая я рабочая лошадка! — до обеда в редакции, потом сто километров по шоссе, по жаре — чтобы только мои тут жили и наслаждались океаном. По дороге забарахлил мотор, я в нем ковырялась, лазила под него, еле дотянула.

(Тем временем она растегнула комбинезон и вышла из него в цветном платье. Джум завел мотор.)

Браво, Джум! *(бросает к выходу комбинезон и гаечный ключ)* Забери, мой мальчик *(проходит перед Алексом)* Ну, как ты меня находишь?

АЛЕКС — Вы очаровательны!

ТИЛИЯ — Еще не хватало »вы«! Еще будешь меня звать тетушкой? или бабушкой? Только — »ты« Т И Л И Я ! *(проходит)* И сколько мне лет?

АЛЕКС — Скоро тридцать? *(Джум уезжает)*

ТИЛИЯ *(довольна, хохочет)* — Если бы не сын! Но я мать, Алекс, ты понимаешь, я — мать! *(около столика с радиолой)* Как тебе нравится этот столик? Прелесть, правда?

АЛЕКС — Изящный.

ТИЛИЯ — Недавно купили. Шестьдесят пять дукатов.

(моет руки) Я — мать, и проблема девятнадцатилетнего сына накладывает морщины на мой атласный лобик.

АЛЕКС — Не заметил морщин.

ТИЛИЯ — Хо! Я умею их скрыть! Это целая система! Тут ж — сон в холодном свежем воздухе, регулярная гимнастика, обтирание, подвижный образ жизни! Чтоб к сорока годам фигуру девочки, надо по-ра-бо-тать!

Отбивная уже на столе. Тилия садится, начинает быстро жадно есть, не прерывая, однако, разговора. Маврикий прислуживает).

Кроме того, мой лозунг: никаких врачей, а лекарства — только самые естественные и только в самых малых дозах!

АЛЕКС *(оживляясь)* — Это я могу понять! Это я поддерживаю!

ТИЛИЯ — Ну, я сразу почувствовала, что мы с тобой единомышленники! Ты, знаешь, папку я лечу сама. У нас вот *(вскакивает, приносит)* »Справочник практического врача«. Для образованного человека — что может быть лучше? Не доверяться этим равнодушным предвзятым именам, а самому выяснить патогенез, избрать лечение. Ну, у папки что, например? *(листает)* Вот — а м е н и т и в н ы й с и н д р о м. Это — больные нервы. Симптомы такие: колебания аффектов, обманы чувств. В чем обманы чувств? Ревнует. Если б ты не был мой родной племянник, то вот за эти несколько поцелуев мне б уж влетело. Тут к соседу приехал его аспирант, африканец Кабимва. И вот мы с ним просто плавали, просто плавали, что тут такого?

МАВРИКИЙ *(останавливая)* — Тихи-ти!

ТИЛИЯ — Папочка! В тебе говорят расовые предрассудки! Чем африканец хуже тебя? Двадцатый век есть век равенства наций... А вообще у нас выработан режим: папе ничего мясного, мне — ничего мучного, поменьше соленого, регулярная прочистка желудка...

МАВРИКИЙ — Засоренный желудок — это страшное дело!

ТИЛИЯ — Это ужас! Так пусть слабительное по вечерам, но зато еда — радость жизни! И вот профессор Крейг в расцвете творческих сил, а я...

МАВРИКИЙ — Ну, насчет меня то...

ТИЛИЯ — А что насчет тебя? Тебе семьдесят лет, но еще не выяснилась болезнь, от которой ты мог бы умереть.

МАВРИКИЙ — Сердце...

ТИЛИЯ — Эт-то самовнушение! Ты бодр, справляешься с хозяйством, у тебя целы зубы. Ах, Алекс, недавно был юбилей Маврикия — банкетик тысячи на две дукатов! Гостей! Телергамм! От композиторов! Дирижеров!

МАВРИКИЙ — Прожевывай! Прожевывай!

ТИЛИЯ — Ты прекрасно еще можешь работать, прекрасно! Пусть ты оставил лекции, но именно теперь ты обязан написать новую книгу.

МАВРИКИЙ — Где уж мне новую...

ТИЛИЯ — Ну, хотя бы переиздать старую!

МАВРИКИЙ — Тили-Ти, для этого надо добавить в нее свежих идей.

ТИЛИЯ — Так добавь свежих идей! Уж не говорю, что у меня гарнитур — лавка древностей, но с ума сойдешь от одного позора ездить в этом корыте...

МАВРИКИЙ — Спортивный седан позапрошлогодней марки...

ТИЛИЯ — Аб-солютно устаревшей конструкции! Меня гложет мечта иметь кабриолот Супер-88 цвета »брызги бургундского« на триста пятнадцать лошадиных сил! Так у папки не хватает денег!

АЛЕКС — Ну, деньги вы соберете.

ТИЛИЯ — Ты рассказывай, рассказывай, что же всё мы да мы! Где ты работаешь? Сколько зарабатываешь? Женат ли? Есть ли у тебя дети?.. Дети, дети!

(по дорожке сзади пробегает ДЖУМ, резвясь с мячом) Сыну девятнадцать, и он начинает шалить с девушками.

МАВРИКИЙ — Хороши шалости, когда приходится оплачивать аборт.

ТИЛИЯ — Но ты бы не хотел иметь эту Мезию невесткою? Надо радоваться, что у малыша по крайней мере здравый смысл. (*Джум прислушивается, подходит*) Но ты прав, ты прав! Надо женить его — категорически! Причем на самой простой девушке из народа, пусть поменьше этого образования...

МАВРИКИЙ (*вспыхивает*) — Что за чушь? Какую там еще — из народа?...

ДЖУМ — А что мне на ее интеллигентности — суп варить?

ТИЛИЯ — Мы задыхаемся без женских рук! Некому пуговицы пришить. У нас даже в муке моль завелась. Постепенно ты ее обучишь, передашь ей плиту и сковородки.

ДЖУМ — Да чего ты споришь, Отецка? Кому жениться — тебе или мне? Моя мать дальновидная женщина, она умеет жить.

ТИЛИЯ — У нас будет гармоническая жизнь. Она будет скользить по дому с тряпкой и вытирать пыль.

МАВРИКИЙ (*гневаясь*) — Да вы что, уже сговорились? Мы для этого растили сына?

ТИЛИЯ — Мавр! Положи валидол! Положи валидол и не делай страшных глаз! Я этого не люблю. Почему тебя оскорбляет невестка из народа? Разве ты не чувствуешь, что весь наш век дышит демократией? Надо действовать в духе века! Уж у себя-то в редакции я всегда знаю дух века.

АЛЕКС — А что за редакция? (*Джум убегает с мячом*)

ТИЛИЯ — Журнал «Альголь», слышал?

АЛЕКС — Политический?

ТИЛИЯ — Да так... международного ревью. (*вскакивает, приносит пару ярких журналов*) Вот!

АЛЕКС — А л г о л ь — так называется Бетта в созвездии Персея, это «звезда дьявола»? (*берет журналы, перелистывает*)

ТИЛИЯ — Возможно, возможно, что-то в этом роде.

Платят мне там немного, я не для денег, а — общее развитие, интеллектуальная жизнь...

МАВРИКИЙ — Тили не могла бы сидеть дома хозяйничать. Она бы задохнулась.

ТИЛИЯ — Я бы задохнулась!... Я люблю жизнь, Алекс! Я люблю жизнь во всех ее проявлениях! В конце концов мы живем на свете один раз! Ничего нельзя упустить!

АЛЕКС (*перелистывая*) — Меловая бумага, цветная печать. И, кажется, только внешние проблемы?

ТИЛИЯ — Ну, с внутренними-то у нас всё в порядке, о чем писать?! А внешние — да. Что у нас? Обзор заокеанских стран, их экономических пороков, их социальных язв. Участвуем в основных кампаниях. Беремся за мир, за то, чтобы перевес сил был всегда на нашей стороне...

МАВРИКИЙ — И только благодаря усилиям их журнала мир на планете еще как-то держится.

ТИЛИЯ — Сколько энергии! Сколько искусства! Постоянная взбудораженная атмосфера редакции! То интервью, то заседание, то правка... Ты не представляешь, Алекс, как я кручусь и как мне некогда.

АЛЕКС — »Некогда?« Это бич современного человека. Тебе некогда, человек? — значит, ты неправильно живешь? Перестань так жить, иначе погибнешь!

ТИЛИЯ — Bravo! Замечательно сказано! Где ты набрался таких мыслей?

МАВРИКИЙ — Где же! В тюрьме!

ТИЛИЯ — Что-о-о?

МАВРИКИЙ — Оказывается, он десять лет сидел в тюрьме.

ТИЛИЯ (*замерла*)

АЛЕКС — И вот мне на всё стало хватать времени и еще остается.

МАВРИКИЙ — А теперь он полностью оправдан. Это была судебная ошибка.

ТИЛИЯ — Ах, ошибка! Ах, оправдан. Как хорошо. Слава

богу, которого нет. Но знаешь что, Алекс? Я — прямодушный человек, и скажу тебе, обижайся, не обижайся: ты — страшный эгоист!

АЛЕКС — В чем??

ТИЛИЯ — В том, что ты лишил нас возможности сделать доброе дело! Ты нуждался в помощи — и с какой охотой мы бы... О-о-о!...

(По ступенькам террасы в сопровождении ДЖУМА поднимается ФИЛИПП РАДАГАЙС, широкоплечий, загорелый, весь в белом спортивном)

ФИЛИПП *(остановился не видя Маврикия и Алекса)* — Мадам! Я ловлю вас на слове! Вы говорили, что у вас есть бездействующий подвесной мотор. А у меня — корпус катера. Мы это соединим, и вы, и ваше чадо можете учиться у меня водному слалому.

(Маврикий снимает фартук. Алекс поднимается, глазами прикованный к Филиппу)

ДЖУМ — Мама! Как умно! Конечно!

ФИЛИПП — Если других реакций нет, вопросов нет — я пришел за мотором. Мне надоело цепляться к чужому катеру. Только я *(смотрит на часы)* ограничен во времени, форсируем мотор! Профессор, простите, не видел вас! *(здоровается с Маврикием, вперяется в Алекса)* Ч-ч-что??!

АЛЕКС — Фил!

ФИЛИПП — Аль *(сбрасываются друг к другу и душат в объятиях. Тилия подбегает очень заинтересованная. Маврикий растерян)* Откуда ты взялся? Где ты был?

АЛЕКС — Почему ты здесь?

ФИЛИПП — Я! Моя дача рядом! Ты откуда?

АЛЕКС — Это мой дядя родной.

ТИЛИЯ — Господа! Откуда вы друг друга знаете? *(вьется около них. Они всё еще не разомкнулись вполне)*

ФИЛИПП — Откуда! Мы знаем друг друга столько же, сколько стоит свет.

АЛЕКС — Мы вместе учились в школе. Мы вместе

кончили университет. Мы (*не замечает знаков Филиппа*) вместе попали на фронт и . . .

ФИЛИПП — . . . и только там разделились!

ТИЛИЯ — Слушайте, это замечательно! Я ведь тоже фронтовичка! Я тоже была на фронте! А на каком вы участке . . . ?

АЛЕКС — Наконец, мы вместе . . .

ФИЛИПП — . . . На фронте я потерял Алекса из виду, и с тех пор он не возвращался в наш город.

ДЖУМ — Мама, так как с мотором? Я полезу доставать?

ТИЛИЯ — Если мистер Радагайс обещает научить тебя слалому . . .

ДЖУМ — И тебя тоже, мама!

ТИЛИЯ — Боюсь, мне поздно?

ФИЛИПП (*со щедрым жестом*) — Вы — чудесно сложены! У вас пойдет, пойдет!

ТИЛИЯ — Доставай!
(*Джум убегает*)

ФИЛИПП — Моя помощь? Мои руки?

ТИЛИЯ — Мы вас позовем. Сперва я переоденусь.

МАВРИКИЙ — Так это что ж? Вы тридцать лет уже дружите?

ФИЛИПП — Именно!

МАВРИКИЙ — Ну, так вы заслужили поговорить без меня. Потом, Алекс, будем смотреть с тобой альбомы. А завтра мне нужно ехать в город, поедешь со мной, полазишь у меня в кабинете и наберешь себе пластинок.
(*Маврикий идет направо, походка у него уже старческая. Тилия нагоняет его*)

ТИЛИЯ (*тихо*) — Мавр! Насчет кабинета ты — не опрометчиво?

МАВРИКИЙ — А что?

ТИЛИЯ — Ну, во-первых, ты обещаешь ему пластинки. Значит, ты лишаешь его возможности относиться к

нам вполне бескорыстно. Потом — чего он набрался в тюрьме? — ты не знаешь. У тебя рукописи Рахманинова, Изви...

МАВРИКИЙ *(повышая голос)* — Да как ты...

ТИЛИЯ — Тс-с-с! Именно потому, что мы его любим, мы тем более не должны подвергать его таким соблазнам! *(Маврикий отмахивается, уходит направо. Тилия смотрит на друзей, уходит налево. Друзья начинают говорить громче. Алекс больше сидит, Филипп рассказывает)*

АЛЕКС — Так ты что? — о тюрьме не говоришь?

ФИЛИПП — Ты с ума сошел! Об этом никто не знает! Я это скрыл и зачеркнул!

АЛЕКС — Но что скрывать? Если ты оказался невиновен...

ФИЛИПП — Невиновен! Тюрма накладывает черную тень! »Тот, кто раз поел тюремной баланды«!

АЛЕКС — Не знаю. Я не стыжусь тюремных лет. Они были плодотворны...

ФИЛИПП — Плодотворны? Да как у тебя язык поворачивается? Это вот ножницами такими — слесарными! — выхватили из жизни кусок — нежных нервов! алой крови! молодого мяса! Мы с тобой возили тачки на каменном карьере, медной пылью дышали, а они тут свои белые тела раскладывали на океанских пляжах! Нет, Ал, напротив — надо навёрстывать! Надо с бешеной силой наверстывать! *(расмахивает кулаком)* Надо брать от жизни вдвойне и втройне! Это наше право! Мы с тобой знаем — и хватит! Объявлять? Никто не поймет. Когда я вернулся в Университет, я ахнул: тупицы, заморыши, которых мы за людей с тобой не считали, экзамены они по шпаргалкам сдавали — а сейчас на первом плане, старшие бакалавры! Ты думаешь, для старшего бакалавра много надо? Упереться лбом в одно место и давить! Да что говорить? Елинодий — зав. кафедрой колебаний!

АЛЕКС *(поражен)* — Елинодий??

ФИЛИПП — Да! А Ирун Зиодор — уравнения математической физики читает!

АЛЕКС (*изумлен*) -И-рун Зио-дор?! Математическую физику?!

ФИЛИПП (*хохочет*) — Ну! Вот и сам посуди. У нас! Но подожди. Я уже их начал прочёсывать. Я показал им, как надо работать! Сам себя не щажу — ну, и вокруг меня тянут! Увлекательный спорт — выжигать рутинеров из гнезд одряхлевших теорий!! (*хохочет*) Слушай, эти пять лет после оправдания — где ты был?

АЛЕКС — А там же. В Каледонии.

ФИЛИПП — То есть... это в плане того, что... смысла жизни искал?

АЛЕКС — Пожалуй, что так. (*смеется*) Девяти лет мне не хватило, я остался додумать.

ФИЛИПП — М-да-а-а... Ну, и сколько ты зарабатывал? Что ты делал?

АЛЕКС — Преподавал.

ФИЛИПП — Детишкам?

АЛЕКС — У-гм.

ФИЛИПП — Ты просто губил себя!

АЛЕКС — Сперва был доволен очень. А потом... Начал понимать, что преподавание мое — отчасти ложь. Наталкиваю я их теоремами, чертежами, разговорами с Космосе. Но не готовлю, как сопротивляться бессердечию и расчету, ожидающему их в жизни.

ФИЛИПП — Слушай, ты помнишь, каким я был до войны? Раскисляй, лапша, философ на огуречном рассоле, — помнишь?

АЛЕКС — Да.

ФИЛИПП — Так вот теперь такой ты!

АЛЕКС (*тихо смеется*) — А во-вторых, честно говоря, на-доело как-то. Из году в год параграфы — потом спрашивать, опять параграфы — и опять каждого спрашивать. Мозги сохнут.

ФИЛИПП — Да ведь нельзя же паклю заткнуть вулкан! Что ж у тебя — простого человеческого само-

любия не осталось?!.. И в такой же цвет ты и жену подыскал?

АЛЕКС — Нет. Жену другую.

ФИЛИПП — Там? Но кого ты мог там найти?

АЛЕКС — Да, я несколько бы стеснялся ее сюда привезти. Но этот вопрос отпал. Ее уже нет.

ФИЛИПП — Молодчик! Ты ее бросил!

АЛЕКС — Смешно сказать, но — она меня...

ФИЛИПП — Она тебя? *(громоподобно хохочет с широкими жестами. Алекс присоединяется)* Она тебя?! *(смеются еще громче. Филиппа всего трясет, он отмахивается)* Так слушай, она трезвый человек! Она правильно сделала! *(новый приступ смеха. Филипп вытирает слезы)* Она тебя?! *(успокаивается)* Блестяще! И — где ты сейчас?

АЛЕКС — Пока нигде. Только-что приехал.

ФИЛИПП — И — кто ты?

АЛЕКС — Пока никто. Соискатель на место.

ФИЛИПП — ...школьного учителя?! *(Яростно)* Ал! Ты еще не безнадежно потерян! Слушай внимательно: за эти пять лет я перевернул здесь горы! Я иду колоссально вверх, колоссально вверх! Я избрал биофизику. Это оказалось очень свежо. Я защитил первую диссертацию, добился — в страшных боях! — создания при Университете лаборатории биокрибернетики, она растет, и я ее начальник. У нас интереснейшие результаты! Через несколько месяцев — я — доктор наук и профессор!

АЛЕКС — Фил! А ты помнишь, каким я был до войны? Человек-снаряд!

ФИЛИПП — Ну, да, да! Поэтому я и верю в тебя!

АЛЕКС *(грустно)* — Теперь такой — ты... Как поразительно. Мы полностью поменялись с тобой характерами. Мы поменялись взглядами на жизнь.

ФИЛИПП — Да ты в науку сейчас бросишься как лев, я не сомневаюсь! Ты будешь работать со мной! Ты повторишь мой путь еще быстрее. Только перестань

здесь всем тыкать свою тюрьму. О тебе недавно даже ректор вспоминал. Тебе все будет рады! А кто не рад — посторонись!! Ты же острый математик. В спины и в паруса нам дует неистовый ветер кибернетики!! Наш корабль — на полном ходу! Пока не поздно — держи канат, взлезай на борт, дружище! *(протягивает ему руки)* Жизнь есть борьба!!

АЛЕКС *(не принимая рук, обнимает Филиппа)* — Прекрасно, друг, прекрасно. Я благодарен тебе. И я люблю, что ты вырос таким. И то, что ты предлагаешь, конечно, волнует меня: наш старый Университет! дорога славы под сводами, выдавшими нашу молодость... Но если бы ты мог ответить мне на один вопрос... На один вопрос... Зачем?

ФИЛИПП — То есть... что — зачем? Зачем — вообще наука?

АЛЕКС — Да. Зачем — наука?

ФИЛИПП — Ты просто разыгрываешь меня? В чем ты видишь тут вопрос? Азбучные истины! Да прежде всего... это дьявольски интересно! Это высокое наслаждение, неужели тебе...

АЛЕКС — Так что? Просто для себя? Из эгоизма?

ФИЛИПП — Да все материальные богатства, созданные человечеством, не через науку ли созданы?

АЛЕКС — И это не ответ. А зачем нам богатство? Богатство улучшает разве человека? Я не замечал.

ФИЛИПП — Вот прицепился к слову! Ну, не богатства — все блага материальные на нашей планете, вся цивилизация, вся культура — всё создано наукой, всё!! О чем тут спорить?

АЛЕКС — О том, что хвастаясь, как много благ теперь совокупно добываем мы, не упоминают — а чего нам это добывание стоит? Ответ будет ужасен: весь человеческий интеллект до конца уходит на добывание благ! Все духовные силы наши — до исчерпа! Вру, еще остается часть, чтобы давить друг друга.

ФИЛИПП — Прицепился ты, как клещ. Да в конце концов двадцатый век без науки не был бы двадцатым веком! Это — душа его!

АЛЕКС — Или — бездушие?

ФИЛИПП — Да не сомневаться, а — на колени! Преклоняться перед наукой!

АЛЕКС — »О, великая наука!« Это всё равно, что: »О, мы! — великие умы!« или точнее: »О, великий Я!«. Поклонялись люди и огню, и луне, и деревянному идолу — но, боюсь, даже идолу поклоняться не так низко, как самому себе.

ФИЛИПП — Да ты мракобес там вырос в своей пустыне! А что же — боженьке будем поклоняться? Зачем этот глупый беспредметный спор — развивать или не развивать науку? Как будто это от нас зависит! Всё равно, что: продолжать нам обращаться вокруг солнца или остановиться отдохнуть? Это — помимо нас. А ты должен решать о себе: опять потащишься талдыкать теорему Пифагора? Или пойдешь официантом в ресторан? Очень люблю бывать в ресторане, любимый мой отдых, но предпочитаю сидеть за столиком. За философию твою иудовую тебе нигде не заплатят. Зарабатывать ты что-то должен? Весь город тем и занят, что делает дукаты! Вся страна тем и занята, что делает дукаты! Ничто живое без дукатов не существует!

АЛЕКС — Так неужели же . . . из-за дукатов?

ФИЛИПП — Вздор! Мы живем наукой, мы дышим наукой, но если при этом деньги выскакивают сами собой и весьма обильно — это приятно, поверь! Да неужели я тебе должен доказывать, что наука — это свет, и смысл, и интерес жизни для таких, как мы? С эстафетной палочкой, которую в руках держали Ньютон, Максвелл, Эйнштейн — пробежать по второй половине двадцатого века и на черте передать двадцать первому?

АЛЕКС (*поникло*) — Филипп! У меня такое смущение, что палочку передавать нам не придется . . .

ФИЛИПП — Ядерная война? Стихия, зависящая, к сожалению, не от ученых.

АЛЕКС — От них-то бы больше всего!
(*справа показывается МАВРИКИЙ. У него в руках — раскрытый альбом*)

МАВРИКИЙ — Алекс! Я нашел старые фотографии твоей мамы, папы и тебя маленьким. У тебя ведь ничего не осталось? Приходи сюда, когда кончишь.

АЛЕКС — Да что ты! Спасибо, дядя. И — Альды?

МАВРИКИЙ — Странно, но Альды ни одной карточки не нашел. Даже не понимаю, кто их мог из альбома вынуть. Они были здесь. *(уходит)*

АЛЕКС — Надо пойти, старик рылся.

ФИЛИПП — Слушай, я почти не знаю этой семьи, мы месяца не знакомы. В чем тут дело? Она *(показывает куда ушла Тилия)* на тридцать лет моложе. Как это получилось?

АЛЕКС — Мой дядюшка имел несчастье — или, наоборот, счастье? — слишком долго увлекаться молодыми. Вот это и... зафиксировано. Дядюшка был светило музыковедения, у него есть и свои квартеты, сонаты...

ФИЛИПП — Я почему спрашиваю. Мадам Тилия, выражаясь по-солдатски, просто лезет на штык. Черт знает, что за баба... Так, Ал, *(выводит его, показывает)* вот рядом моя дача. Ты отсюда не уедешь, пока не придешь ко мне. И я тебя буду держать под замком, пока ты не дашь письменного согласия работать у меня. Вопросы есть?

АЛЕКС *(тихо смеется)* — Поговорим, ладно... Ну, а ты-то? Женат?

ФИЛИПП *(голос его теряет всю энергию)* — Ж-женат. *(пауза)* А как будто стал и не женат... *(пауза)* Я женился на Нике два года назад, она еще была студенткой. И так славно мы жили, весело. Она меня и в спорт втянула. И вдруг — заболела. Что-то случилось с позвоночником. И, как на зло, когда была беременна. Пришлось пожертвовать ребенком. Ну, сперва обнадеживали, что поправится, она и встала. Потом всё реже, реже. Теперь только лежит. Лежит, смотрит, как я по море катаюсь... Ты увидишь ее сегодня. Ну, иди, каторжанин, неудавшийся бандит! *(толкает его в спину)*

АЛЕКС — От такого же слышу! *(уходит направо. Филипп смотрит на часы, садится. Не видимая ему,*

из своей двери тихо выходит ТИЛИЯ в халате. Остановливается, озирается. Расстегивая пояс халата, отступает в свою комнату и тотчас выходит оттуда лишь в купальном костюме).

ТИЛИЯ (громко) — Филипп! Я — голая!! Не оборачивайтесь!

ФИЛИПП (вздрагивает, резко поворачивается, медленно встает) — Слушайте!...

(Тилия делает стыдливое оборонительное движение, стоит на месте) Слушайте!! (делает крупные шаги к ней. Тилия, крадучись, отступает к своей комнате). До каких пор вы будете меня...?

(идет за ней в ее комнату, наступая)

(З а н а в е с)

КАРТИНА 2

(Небольшая рощица, редкие деревья, два-три пня. Позади — дорога, где то и дело проходят, но не слышимые нам, грузовики, самосвалы, автофургоны с прицепами, автокраны, скреперы, бульдозеры, разные строительные машины.

Попеременно то солнце, то облачка, игра осеннего мягкого света.

Идут АЛЕКС и АЛЬДА. Алекс несет плащи. В отличие от предыдущей картины, он одет даже с тщательностью)

АЛЬДА (раскинув руки) — Что за славный лесочек! Какое солнышко! Какие легкие облака! (снимает шляпу. Темные волосы ее свободны). И дышится тут! Ты знаешь, сегодня за много времени первый раз меня ничто не сжимает. Почти ничто..

АЛЕКС — А что тебя сжимает?

АЛЬДА — Всегда у меня какое-то опасение, будто что-то плохое против меня готовится, что меня ждет беда... Будто у меня хотят отнять...

АЛЕКС — Но что можно отнять у человека, у которого ничего нет?

АЛЬДА — О, всегда можно!... Но сегодня такой счастливый день!... *(Кружится. Вдруг — сильный баллистический удар от самолета, переходящего звуковой барьер, и потом — вой самолета. Альда вздрагивает, вскрикивает, прижимается к стволу).*

АЛЕКС — А, проклятые, как надоели...

АЛЬДА *(совсем уже другая, подавленная, даже постаревшая, еле стоит)* — Ну, теперь ты видел, как тетя Христина живет. Эта хижина, пол земляной, печка дымит, крыша течет... Даже трудно поверить, что в наше время человек... *(в голосе слезы)*

АЛЕКС *(следит с тревогой)* — Да, живет она героически. Только вот кошек у нее — девять, десять? Что-то слишком.

АЛЬДА — Аль, она их не собирает, они сами к ней идут. И подбрасывают ей кошек, которых дети искалечили — с проглоченными иголками, с отрубленными лапами, в керосине обожженных... А она их жалеет. Вот эту помнишь кошечку, у которой движения несогласованные, то упадает, то ножками дергает... *(задумывается)* Эта кошечка одна на свете слабее меня. Похожа очень... *(плачет)*

АЛЕКС — Альда! Альдонька! Ну, так же нельзя! Ну, от каждой случайной мысли...

АЛЬДА — Неужели и ты так жил в своей Каледонии? *(Где-то близко с грохотом проносится электричка. Альда зажимает уши, съеживается, пока та пройдет)*

АЛЕКС — Я-а? Намного лучше. Правда, домик мой тоже был из глины, и в дверях я нагибался, вот так... *(показывает)* Но внутри стоял совершенно прямо *(распрямляется)*... если посередине. *(смеется. Альда начинает улыбаться)* И было два окошка на солнечную сторону. Нет, я-таки жил там роскошно! Пока был один. Но потом появилась жена. Неугомонная, она стыдилась нашей хижины! Честолюбивая, она требовала, чтоб я воздвиг палаты, покрытые шифером! И чтоб я больше зарабатывал. И чтоб вез ее в большой город, в большие магазины.

АЛЬДА — Скажи, Аль... Ой, что я тебя хотела спросить? (*мучительно*) Ой, что я хотела спросить??.. Ой, как я не люблю это, терять мысли!.. Ну вот, буду думать теперь.

АЛЕКС (*глядя ей лоб*) — Ну, успокойся. Вспомнишь. Само придет. Вернется обязательно.

АЛЬДА — Рассказывай.

АЛЕКС — Да, уж и рассказал. Я после освобождения настроен был жить в тишине и совсем просто, жениться на какой-нибудь примитивной натуре, в которой, мол, правда и сила, и смысл. А оказалось, что в наше время все эти примитивные натуры думают только, как урвать, да купить, да перед соседями отличиться...

АЛЬДА (*очень пристально*) — Так неужели ты мог жениться — не любя??

АЛЕКС (*качает головой*)

АЛЬДА — И ты!? И ты — тоже??.. Как же ты смел?

АЛЕКС — А во-первых, Альдонька, там выбора не было.

АЛЬДА — Так не надо! Совсем не надо!... (*раскачиваясь, как от боли*) Нет любви!... В наш век нет любви... Замужество — сплошная ложь... Значит, когда она тебя бросила, ты просто сигарету вынул, закурил, да?

АЛЕКС — Альдонька! Я понял тогда, что не могу я так жить, каждый шаг соразмерять — а что это — а что это даст для семьи? а как бы не пострадали домашние? Кого-то ублажать, о ком-то заботиться и чтоб это определяло мою философию. Я один раз живу на земле и хочу исходить из чистой истины. Жена сделала благое дело: она тотчас нашла себе другого мужа, приносящего хорошие деньги...

АЛЬДА (*вдруг вспомнив*) — Да! Скажи, Аль, так потвоему не надо много зарабатывать?

АЛЕКС — Бож-же тебя упаси!

АЛЬДА — Но как же тогда, например, одеваться по моде?

АЛЕКС — А зачем — по моде? Чтобы быть похожей на всех, как чурки с одного конвейера? Люди созданы разными, зачем же вколачивать себя в стандарт?

АЛЬДА — Ну, это ты какую-то дикость... Ты просто оторвался от жизни и не понимаешь. Как же можно ходить ни на кого не похожим чучелом?

АЛЕКС — Вот вам для того моды и придумывают, чтобы вы за заработками гнались, и ни о чем другом думать не успевали.

АЛЬДА — Ну, освежать костюмы надо? Туфли менять надо?

АЛЕКС — Туфли? Надо носить, пока подметки не сотрутся. Это логично.

АЛЬДА (*смеется*) — С ума ты сошел, ненормальный. И мебель надо менять, теперь стиль другой...

АЛЕКС — Да мебель-то зачем? Пока ножки целые — зачем ее менять? Это ужасно, Альда, вот такие рассуждения я слышал от бывшей моей жены. (*снова — звуковой удар и рев самолета. Альда вздрагивает, сжимается*). Зачем же отдавать лучшие годы, лучшие силы — за деньги, и деньги эти тут же разбрасывать на пустяки?

АЛЬДА (*поникла*) — Проклятые дукаты! Как утомительно их зарабатывать! От этой проверки бесконечных телевизоров у меня в глазах рябит. Смотреть я не могу на телевизоры!

АЛЕКС — Я телевизоров пятнадцать лет вообще не видел — и то смотреть не могу. Там, где прежде общались души, теперь... (*Близко, заглушая его, с грохотом проносится электричка. Альда закрывает уши*)

АЛЬДА — А никакой другой работы я достать не умею. Так презираю себя за безалаберную жизнь. И музыке я училась, и иностранным языкам, и ничему не доучивалась.

АЛЕКС — Но когда на прошлой неделе ты в папином кабинете села за рояль...

АЛЬДА — А, да разве это настоящая игра!... (*пригорюнилась*) Не могу я так играть — просто вообще.

Я должна играть — для кого-нибудь. Хочешь, для тебя буду?

АЛЕКС — Хочу! Да.

АЛЬДА — Всё равно — инструмент надо дома, и четыре часа в день.

АЛЕКС — Не понимаю я дядю Маврикия. Дочь родилась в него, музыкантом! А он...

АЛЬДА — Папа как-раз собирался купить мне пианино. Несколько раз встречал маму и обещал...

АЛЕКС — .. а он не только не помог — оттолкнул тебя от консерватории!

АЛЬДА — Я сама не хотела туда, Аль!

АЛЕКС — Почему?

АЛЬДА — Чтобы не компрометировать папу, что вот еще я есть... И он тоже очень боялся для меня этой среды искусства. Этих людей, таких благородных в своих ролях. В конце концов и получилось (*поникла. Пауза. Алекс смотрит с тревогой*). Нет, не говори, отец хороший, он очень хороший.

АЛЕКС — Он порывами — великолепный человек.

АЛЬДА (*светлеет*) — Правда? Ну, правда же! Маму, конечно, он жестоко обидел, но и мама говорила всегда, что он — великий и замечательный человек.

АЛЕКС — А тете Христине? Чтобы за двадцать лет гроша ей не бросить? Я ему выскажу! И ведь не от скупости, а — ровное благополучие, когда не хочется пальцем пошевелить. Тебя! годами не видит — и спокоен.

АЛЬДА — Ты не прав! Это я! Это я сама не ходила к нему. Теперь так получилось, ты меня ввел, а вообще зачем создавать ему двойную жизнь? напоминать собой с прошлым? ... Я не ходила — не ходила, только, когда узнала о юбилее — тайком пошла. Села на самом дальнем краешке, надеялась, что меня не заметят, и наслаждалась, как его чествуют. Нынешние ученики расписались на бочонке масляными красками и бочонок втащили прямо на стол. Разливали черпаком с длинной ручкой! (*смеется, очень оживлена*)

АЛЕКС (*приправил волосы на ее лбу*) — Вот сейчас я могу тебя узнать! Сейчас ты похожа на ту прелестную девочку, школьницу, с которой я познакомился перед войной.

(*Альда смотрит шаловливо*)

Если бы ты всегда была такая!

АЛЬДА — Если бы всегда был такой счастливый день!

АЛЕКС — У тебя карточки того времени не сохранилось?

АЛЬДА — У меня нет, но у папы должно быть. Он тебе не показывал?

АЛЕКС (*рассеянно*) — А? .. Он? .. Та довоенная девочка так в меня впечаталась тогда, что я на фронте и первые годы в тюрьме часто-часто тебя вспоминал. Написать даже хотелось.

АЛЬДА — Отчего же не написал? Ни разу.

АЛЕКС — С фронта? Ты была еще слишком девочка. На Пустынной Каледонии? Когда десять лет впереди?

АЛЬДА — А если бы ты писал мне — моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе.

(*звуковой удар. Рев самолета. Альда вздрагивает, рыдает*) Ну, что это? Ну, что это? .. (*опускается на землю*)

АЛЕКС — Альда! Альда!

(*опускается рядом, держит ее за плечи. Альда рыдает надрывно, безутешно*)

АЛЬДА — Зачем такая жизнь жестокая, Аль? .. Зачем жить в такой жизни? ..

АЛЕКС (*обнимая ее. Мерно, медленно*) — Нет, так нельзя. Так тебя надолго не хватит. Хоть этот день один, я думал, ты проживешь, улыбаясь!

АЛЬДА (*рыдает*)

АЛЕКС — Вот послушай, дружок. В лаборатории биокибернетики, где я работаю теперь у моего друга, счастливым образом как раз сейчас всё готово к тому, что нужно тебе: из человека хрупкого сделать нестигаемого. Ты слышишь меня?

АЛЬДА (*смолкает*)

АЛЕКС — Дать ему устойчивый, неунывающий характер, дать ему душевную невозмутимость. Ты не больна, лечения в обычном смысле тебе не нужно, но ты слишком отзывчива, уязвима. Тебе надо помочь жить. Я уже втягиваюсь в эту технику и могу оценить.

АЛЬДА (*подняла голову, слушает*)

АЛЕКС — Сестренка моя, давай попробуем! Ну, дай мне руку! Для тебя! Чтобы спокойная улыбка не сходила с твоего лица. Довольно тебе страдать, а?

АЛЬДА (*слабо улыбается*)

(З А Н А В Е С)

КАРТИНА 3

(Лаборатория. Три двери, большое окно. Близ работающих приборов — письменный стол. Один ящик выдвинут, и над ним с двух сторон склонились ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ДИПЛОМНИКИ в темных халатах. 1-й насвистывает ритм новейшего танца и трясет корпусом.

Электрическое освещение. Пасмурный день).

2-й ДИПЛОМНИК — А качество тебе придется отдать.

1-й ДИПЛОМНИК — Двух пешек оно стоит. (*делает ход в ящике*)

2-й — Одной? (*делает ход*)

1-й — Нет, двух! (*делает ход*)

(Услышав шум, мгновенно задвигают ящик и наклоняются над столом. В среднюю дверь входит ЭНИ. Она невысокого роста, тугонькая, светленькая, твердые движения).

ЭНИ (*строго*) — Чем заняты, молодые люди?

1-й — Снимаем точки, мисс Баниге.

ЭНИ — И что ж получают за кривые?

2-й — Пожалуйста. (*передает ей со стола большой лист*)

ЭНИ (смотрит) — Почему только для двух значений параметра?

2-й — А скольких?

ЭНИ — По крайней мере четырех. Нам важно иметь семейство кривых. Недостающие — доснять.
(возвращает им лист. Идет к левой двери, открывает, кричит внутрь):

Кабимба.

2-й — Он вышел, мисс Ваниге.
(Эни уходит в среднюю дверь)

1-й (проводив ее восхищенным взглядом) — Ты знаешь, а я вообще бы не от-ка-зал-ся!

2-й (открывает ящик и, думая над ходом, напевает):
— Но подруга Синбара
Нам не пара-а!

1-й — Нам важно иметь семейство! — это всё равно, что заново. В конце концов мы работаем у самого шефа, и пусть скажет сам шеф.

2-й — Но мисс Баниге думает с шефом одной головой, это уже замечено. (сделав ход, идет к щитку, смотрит приборы, регулирует)

1-й (обдумывая над ящиком, напевает, трясет корпусом, пристукивает)

— Но подружка Синбара нам не пара!
Но подружка Синбара-морехода . . .

А ладье-ладье ловушка тут в два хода!

(Мгновенно задвигает ящик. В правую дверь входит

КАБИМБА, рослый африканец. 1-й дипломник снова открывает ящик, думает над ходом и свистит на прежний мотив. Кабимба печален. Идет к окну, прислоняется, смотрит)

2-й ДИПЛОМНИК (от прибора) — А правда, Синбар не был моряком?

1-й — Я тоже спрашивал. Нет.

2-й — Вполне он тянет на жюль-верновского капитана.
(отходит от приборов) Кабимба-Кабимба! Что вы так невеселы?

КАБИМБА — Дождь идет . . . (смотрит в окно)

1-й (*думая над ходом*) — Улыбнитесь, Кабимба! Покажите ваши сахарные зубки!

КАБИМБА — Я получил письмо с родины. Я давно должен быть там.

2-й — Как давно?

КАБИМБА — После университета, два года сзади. Но шеф меня позвал, я остался. Чем в науку глубже, тем трудней оторваться.

2-й — И что ж тут плохого, Кабимба? Хоть что-нибудь в жизни есть неподдельное — наука! Да еще спорт.

1-й — Когда судья не жульничает.

КАБИМБА — Биотоки! Для каждого это очень интересно, но моей стране еще о-о-ой сколько не понадобится. Я должен был вернуться домой с простой физикой.

2-й — И наладить выпуск школьных амперметров?

КАБИМБА (*энергично*) — Да! Моя родина нищая, неграмотная, верит в меня, а я сижу тут с биотоками.

1-й — (*сделав ход*) — Смешно, Кабимба! Родина! (*смеется*) Где вы были раньше? О родине надо было думать в семнадцатом веке или там в каком! А сейчас никаких родин давно нет, это — жуткий анахронизм. Жуткий! Есть только наша маленькая планетка, да и то, кажется...

(*машет безнадежно. Трясет корпусом. Вымокивает ритм*)

2-й (*сделав ход*) — Кабимба! Вы еще небось из партии какой-нибудь состоите?

КАБИМБА — В либерально-демократической!
(*оба дипломника смеются взрывом*)

2-й — Да кто же нынче состоит в партиях, Кабимба? Опомнитесь! Либералы, демократы, прогрессисты — все эти шайки думают только о себе!

1-й — И каждый должен думать только о себе!

2-й — Бросьте вы грязную политику, занимайтесь наукой! У вас идет, у вас получается! (*1-му*). Снимаем точку! (*подходит к щитку*)

КАБИМБА (*гневно*) — Вы еще . . . детишки! Вы достали легкое впечатление! Никуда вы дальше этого города не ездили, ничего не видели, не возьмитесь рассуждать!

1-й (*еще над ходом, напевает*)

— Но подружка Синбара-морехода . . .

(Стремительно задвигает ящик и поворачивается к приборам. Из правой двери быстро входят ФИЛИПП и АЛЕКС. Они направляются к средней, но, заметив присутствующих, останавливаются. Филипп мрачен, говорит очень жестко)

ФИЛИПП — Что у вас, мальчики? Сколько точек? (*берет лист*)

2-й ДИП. — По три на каждую кривую.

ФИЛИПП — Мало. Медленно. Нет преданности науке. Позвольте! А почему только два значения параметра?

1-й — А вы не говорили, что . . .

ФИЛИПП — Если и не говорил, можно сообразить самим, вы не дети. Четыре-пять кривых по основному параметру — неужели нельзя догадаться (*швыряет лист на стол, 1-й дипломник подхватывает, чтоб он не упал*) Так из вас никогда ничего не выйдет! Надо думать! И отказаться от дедушкиных темпов. Завтра с утра — всё снова. Сейчас поможете Кабимбе. (*дипломники начинают выключать приборы, свертываться*) Кабимба! Вы к записи биотоков с человека сегодня готовы?

КАБИМБА — Да.

ФИЛИПП — Прошу вас. Можем начать в любую минуту.

(Кабимба кивает, уходит в левую дверь)

Ну где ж твоя кухня? (*смотрит на часы*)

АЛЕКС — Да, я зря на нее понадеялся. Нужно было с утра самому за ней. Но — тут работа станет. Альда — она такая, может прийти и на час раньше . . .

ФИЛИПП — Но этого не случилось.

АЛЕКС — . . . и на полдня позже. Она искренне будет

спешить, стремиться, но любое столкновение может отбросить ее в сторону.

ФИЛИПП — Выражаясь нашим языком — мала длина свободного пробега?

АЛЕКС — Да, очень силен броуновский элемент.

(Дипломники свернулись, заперли ящик с шахматами, переоделись в белые халаты. Уходят налево).

ФИЛИПП — Но как же тогда мы с ней будем сотрудничать?

АЛЕКС — Так именно это нам в ней и дорого! Мы собираемся ее векторизировать! — пусть же до опыта она будет предельно разбросана. Ты сам удивишься, до чего она нам подходит! Она начинает мысль — и забывает ее. То она слушает тебя и как будто не слышит. Смеется — и вдруг плачет. Она смутная и неуловимая, как отраженье в воде.

ФИЛИПП — Интересно, посмотрим. *(закуривает)* Она замужем?

АЛЕКС — Была два раза. Оба ее . . . бросили.

ФИЛИПП — С детьми?

АЛЕКС — Ты знаешь, она такая ранимая, чуть неосторожно заговоришь — плачет, о замужествах вспомнит — плачет, и я боюсь спросить. Живет она, во всяком случае, одна.

ФИЛИПП — А почему не у отца?

АЛЕКС — У отца! Отец ее карточек сберечь не мог! — два пятна в альбоме, как глазницы от выколотых глаз. Я вчера у него был, всё высказал. Поругались, он меня выгнал.

ФИЛИПП — Ну, ладно. Скажи вот: кодовая группа — тебе достаточна по объёму?

АЛЕКС — Нет! И никогда не будет достаточной!

ФИЛИПП — Что ж ты предлагаешь?

АЛЕКС *(быстро, уверенно)* — А — решительно сменить всё направление. Конструировать автоматические программаторы на каждый тип задач. На первых

порах это будет большая перегрузка, потом оправдает себя блестяще.

ФИЛИПП — Деньги? Люди? Помещение?

АЛЕКС — Кооперируемся с другими! Кибернетистов много развелось.

ФИЛИПП — Ты знаешь, Ал... Не хотелось бы. Когда истина открыта не нами, она что-то теряет из своей привлекательности.

АЛЕКС *(так же быстро)* — Фил, надо стать выше этого! Если между нами и счетными машинами будет сидеть кодовая группа — это кибернетика на волах! Я представляю дело так: я подумал — машина поняла! машина подумала — я понял. Всё! Для этого нужны автопрограмматоры.

ФИЛИПП — Ты молодчик. Видишь, как вошел в курс. А сомневался.

АЛЕКС *(очень быстро)* — Я, Фил, попробовал и начинаю, кажется, понимать: ни моей и ничьей тут личной заслуги нет. Сейчас во всей науке наступил такой век, как пять столетий назад в географии: любой недотёпистый капитанишка на какой-нибудь трёпаной шхуне выходил в море наугад и возвращался если не с новым архипелагом, то с парой новых проливов! Так и теперь — научные мальчишки хватаются за проблемы, которых остерегся бы Резерфорд, и через три месяца у них уже всё получилось. Как будто сила нас какая-то подхватила и... *(увидел, что Филипп погружен в угрюмость)* Слушай, ну как с Никой? Консилиум был?

ФИЛИПП — Был.

АЛЕКС — Что ж ты молчишь?

ФИЛИПП — Бес-пер-спек-тивно. Понимаешь? В ближайшие годы, ты понимаешь — годы! — она с постели не встанет. Вот так будет лежать, как сейчас. И не исключено, что ослабится или парализуется одна сторона. И притом опасности для жизни — нет. Она не умрет. И не будет жить. Вот так, как сейчас.

АЛЕКС *(обнимая его за плечи)* — Но что же можно, друг?.. Что же можно?..

ФИЛИПП — Я понимаю, разводиться в таком положении . . . считается неэтично . . .

АЛЕКС — Потом, Фил, медицина же бешено развивается, новые ле . . .

ФИЛИПП — Нет! Я навел все справки! Ничего стоящего в разработке нет. (с напряжением) Как это проклято так заведено! И сколько случаев таких! что человек сам не живет и заедает жизнь другого . . .

АЛЕКС — Ах, такая молоденькая! Ничего ж не жила! . . . Так умоляюще смотрят глазенки . . . Верните ей ноги! дайте ей побегать!

ФИЛИПП — Жалко, жалко ужасно. Но скажи — на с тобой никто не пожалел? Десять лет мы отбухали на каторге ни за что — так недостойны мы сочувствия больше, чем любой другой рядовой человек?

АЛЕКС — Я не уверен. Я боюсь, что тут легко перейти грань: вот мы невинно пострадали, вот мы правы, правы — и вдруг станем неправы. Это как-то моментально поворачивается.

ФИЛИПП — Ну-ну! Поворочивается! Да я за десять лет такую накопил тоску, такую накопил отдачу! И что же теперь? Неужели я не заслужил радости? полной жизни? ребенка, наконец?

АЛЕКС — Ну, без ребенка ты можешь и прожить.

ФИЛИПП — Как это без ребенка?

АЛЕКС — Всё равно дети никогда не вырастают такими, как мы хотим. Рождаются эгоистами, живут для себя. Ищи духовных детей.

ФИЛИПП — Да у меня их целый воз — духовных. Я хочу собственного сына, династического! Неужели ты этого не чувствуешь?

АЛЕКС — Да как-то нет . . .

ФИЛИПП — Выродок! Педант! Ждать! Мне — сорок лет, куда же дальше ждать? А? Слушай, Ал, загробной жизни не бывает! У нас одна жизнь, эта одна! — и надо прожить ее во всех красках!

АЛЕКС — Очень трудно, Фил. Жизнь — одна. Но и еще что-то у нас одно. И тоже второй раз не дается.

ФИЛИПП — Что еще?

АЛЕКС — Глупое врожденное чувство. Рудиментарное.

ФИЛИПП — Э-э, братишка, скажи что-нибудь покрепче. Совесть? — слишком не-ма-те-ри-альна, чтоб жить ей в двадцатом веке. Мы не знаем ее компонентов. Формулы. Некоторые считают ее просто условным рефлексом. Совесть — чувство факультативное. *(В среднюю дверь входят ЭНИ и СИНБАР. У него — бакенбарды, трубка)*

Итак, вся пожарная команда в сборе? Тогда — маленький совет. Садитесь, друзья! Давайте думать. Мы задыхаемся от тесноты. Нам нехватает людей. Еще острее нам нехватает финансов. Откуда всё брать?

СИНБАР — Пришла пора атаковать и уничтожить Тербольма. Доказать, что вся эта социальная кибернетика — абсолютный вздор! И уж во всяком случае забрать его помещение и его субсидии.

АЛЕКС — Кстати, я не успеваю всё схватывать. Эта социальная кибернетика — что такое?

ФИЛИПП — Да нелепость! Они хотят найти законы в человеческом обществе! И по этим законам построить алгоритмы и проворачивать прогресс на электронной машине.

АЛЕКС — Стой, это что-то занятно.

СИНБАР — Да дикий бред! Проглотим Тербольма — и не поперхнемся. Но ведь этого всё равно мало!

ФИЛИПП — Мы переросли рамки университетской лаборатории, нам надо становиться отдельным институтом.

ЭНИ *(она не сводит глаз с шефа)* — Да! Мечта!

АЛЕКС *(взглянув на часы, порывается уйти)*

ФИЛИПП — А с людьми? Кориэл предлагает конструировать автопрограмматоры. Откуда брать людей?

ЭНИ — А вот именно, пока мы еще в составе университета — надо его ловко использовать! Во-первых, производственная практика студентов — математиков, физиков. Заставить их работать на нас! Чем они там занимаются?!.. Во-вторых, с курсовыми

работами. Разные дохлые стариканы высасывают темы из пальца. Наш фронт работ разбить на темы, утвердить в ректорате — и пусть кафедры эти темы дают!

ФИЛИПП — И так в наше русло будут затягиваться самые способные студенты. Блестяще, Эни! У вас золотая голова и в науке и в жизни!

ЭНИ (*очень довольная*) — Я только отражаю свет. Но отражать — я умею.

АЛЕКС — О кей, шеф, я пойду, некогда.

ФИЛИПП (*вдогонку*) — Так что ж она не идет, слушай?
(*Алекс ушел направо*)

СИНБАР (*эффектно курит трубку*) — Всё это, шеф, детские игры. Я не хотел при Кориэле, у него это большое место. Но таких субсидий, какие нужны нам, не даст никакая фирма. В нашу эпоху только государство платит деньги, не считая. Если нам пристегнуться к военному ведомству или внутренней безопасности — о нашем бюджете позаботится сенат!

ФИЛИПП — Я понимаю. Я над этим думал. Но если мы пристегнемся — ведь мы потеряем свободу поиска.

СИНБАР — Ничего мы не потеряем! Мы пристегнем одно-два направления, полезные для них. А делать будем — что нам надо. Вообще я хочу предложить вам интересное знакомство, буквально на этой неделе. Один офицер, занимающий важный пост, хочет посмотреть нашу лабораторию.

ФИЛИПП — Да? ... А что, друзья, ведь это выход?

ЭНИ — И еще какой!

ФИЛИПП — Выход. Выход! Приглашайте его, Синбар. Поговорим. Итак, что ж? Опыты на животных прошли безукоризненно, начинаем на человеке. Если эта особа, которую обещает Кориэл, все-таки сегодня придет — сегодня же снимаем с нее биопотенциалы.

ЭНИ — По двумстам каналам?

ФИЛИПП — Да. Альфа, бетта, тэта-ритмы, все острые волны, посторонние частоты. Затем...

СИНБАР — ... кладем, даем состояние покоя в темноте, снимаем дельта-ритм. Затем световые вспышки нарастающей частоты. Да! Сказать Кабимбе, что...
(поднимается, быстро уходит налево)

(Филипп и Эни сидят на прежних местах и внимательно смотрят друг на друга. Пауза)

ЭНИ — Наверно, всё-таки, не следовало мне идти к вам вчера.

ФИЛИПП — В конце концов вы — моя близкая сотрудница. Почему вы не можете ко мне зайти?

ЭНИ — Это получилось жестоко.

ФИЛИПП — Но постепенно когда-то надо же... приучать ее.

ЭНИ — Но как она смотрела на меня!

ФИЛИПП — Вот это как раз то, через что надо... переступить.

ЭНИ — Мне было гадко очень...

ФИЛИПП — Но если есть вина — пусть она будет на мне. При чем же вы? Ну, не были бы вы — рано или поздно другая. Надо же смотреть реалистически.
(Пауза. Смотрят друг на друга)

ЭНИ — Хорошо. Я постараюсь...
(быстро входит СИНБАР)

ФИЛИПП (встает) — Итак, обязанности распределены и известны. Вы меня позовете. (в средней двери останавливается. Рассеяно): Что-то я еще хотел... Да... Ну, пока всё... (медленно уходит)

ЭНИ — Бедный Радагайс! Самый напряженный момент, ему нужна ясность, твердость — а у него такая трагедия дома. (Синбар молчит, вглядывается. Он когда и не курит — трубка у него в руках)
Что ты на меня так уставился?

СИНБАР (прочно стоит, расставив ноги) — Жду, что ты скажешь еще.

ЭНИ — Пока всё.

СИНБАР — Мне кажется, ты интересуешься не тем, чем нужно.

ЭНИ — Нашим общим делом?

СИНБАР — Семейные дела шефа?

ЭНИ — В той мере, в которой они отражаются на руководстве?

СИНБАР (*подходя, мягче*) — Эни! Мне кажется, уже шепотком о нас начинают шутить.

ЭНИ — От этого женщина всегда страдает больше!

СИНБАР — Хорошо. Я осознал. Я понял. Это была моя ошибка.

ЭНИ — Сколько я ночей проплакала, ты не знаешь.

СИНБАР — Ну, теперь ты разветвленно будешь меня попрекать. (*берет ее за локти*) Теперь я говорю: женимся! немедленно женимся! А ты...?

ЭНИ — Но я приучена к логике, Синбар. Ты говорил — надо ждать твоей диссертации. Так подождем, осталось меньше.

СИНБАР — Но ты еще недавно сама настаивала!

ЭНИ — А ты мне плел о науке, о стариках-родителях, о твоих маленьких сестрах...

СИНБАР — Эни, ты росла в благополучии, у тебя был гладенький путь. Не успела ты кончить университет, я ввел тебя сюда. А я знал нужду, и напуган ею, и не хочу больше. (*пытается обнять*)

ЭНИ (*вырываясь*) — Тут студенты ходят!

СИНБАР — Хорошо, ждем так ждем. Но что изменилось? Целый месяц ты н-н-н... Я озверею к чертям скоро! Придумываешь разные предлоги... Я могу заподозрить у тебя...

ЭНИ (*раздельно*) — А ты не думал, что я у тебя давно могла заподозрить...?
(*Напряженно стоят друг против друга. Ослабляются при открытии двери. Справа входят АЛЬДА в плаще со следами дождя; за ней АЛЕКС*)

АЛЕКС — Ну вот, наши сотрудники. (*знакомит*) Альда

Крэйг, моя кузина, Анна Баниге, руководитель биологического направления нашей лаборатории.

ЭНИ — Ой, как громко и неуклюже, мистер Коризэл! (Альде). Просто — Эни. (рукопожатие) Зову шефа, он просил сейчас же . . .

(уходит в среднюю дверь)

АЛЕКС — Синбар Атоульф, врач.

СИНБАР (знакомясь, холодно) — Вы никак не приходите профессору Крэйгу?

АЛЬДА (робко) — Я . . . его дочь . . .

СИНБАР — Позвольте, у него сын, дочери у него нет.

АЛЕКС — Она перед вами, Синбар.

СИНБАР — Нет, тут какая-то ошибка. Я точно знаю, у него только сын.

АЛЬДА (с живостью) — Папа не виноват, это я виновата! Я жила сама по себе . . .

АЛЕКС (делает знак Синбару, Синбар уходит вслед за Эни)

АЛЬДА — Ах, из-за меня будут плохо думать о папе! И ты! а-же ты вчера так папу оскорбил! Но я вас помирю непременно.

АЛЕКС — Ну, помиришь, конечно.
(помогает ей снять плащ, вешает)

АЛЬДА — Какая Эни миленькая. Ты за ней ухажи-ваешь?

АЛЕКС — Мне, Альда, сейчас не до миленьких. Я, знаешь, как закрутился? Сплю пять часов в сутки.

АЛЬДА — Смотри-смотри, упустишь. (оглядывается) Ой, что это мне как-то не по себе? (еще оглядывается) Аль, мне страшно стало почему-то. (держится за него) Может отменим, уйдем, зачем это всё.

АЛЕКС (улыбаясь) — И я — Аль, и ты — Аль, и чего же ты боишься?

АЛЬДА — Даже тебя боюсь. Ты здесь переменялся. Скажи, это будет больно?

АЛЕКС — Ничуть.

АЛЬДА — Но ты же сам не испытал?

АЛЕКС — Снятие биотоков? Да со всех сотрудников снимают, записывают.

АЛЬДА — Ах, ну всё равно, Аль! Это что-то нечеловеческое. Зачем это? Уйдем!

АЛЕКС (*успокаивает, усаживает*) — Альдонька! Но ведь мы же договорились. Обсудили. Это будет лучше для тебя. Тебе нельзя иначе.

(*входят ЭНИ, ФИЛИПП, СИНБАР*)

Филипп Радагайс, начальник лаборатории. (*Альда поднимается*)

ФИЛИПП — Мы рады видеть вас здесь. Хотя вы и... заставили нас ждать.

АЛЬДА (*поспешно*) — Это можно объяснить! Это так получилось.

ФИЛИПП (*великодушно*) — Ничего не надо объяснять... Но... (*смотрит на часы. Эни и Синбар надели белые халаты*)... и откладывать не будем. (*надевает белый халат*)

АЛЬДА (*покорно*) — Надо идти?

Синбар показывает ей на левую дверь. Опустив голову, Альда уже направляется туда, но останавливается внезапно). Но позвольте, господа, я же всё-таки не кролик. Объясните, что вы будете со мной делать?

(Синбар уже открыл дверь, оттуда вышел КА-БИМБА. Он в белом халате, рукава засучены. По знаку Филиппа он закрывает дверь, оставшись с этой стороны)

ФИЛИПП — Это ваше право. Садитесь.

(Альда садится. Все стоят: Алекс — позади ее кресла, остальные — в белых халатах, настороженные, пристальные против нее)

Ну-с, прежде всего — что такое биотоки? Биоток это очень маленький, слабый электрический ток, непрерывно идущий в каждой нашей нервной клеточке. Всё, что мы ощущаем, думаем, переживаем или делаем — всё это в конце концов так или иначе отражается на биотоках или определяется биотоками. Биоток даже прочитывать мы научились совсем недавно по рути...

ЭНИ — Год назад.

ФИЛИПП — Что же касается обратного нашего влияния на биотоки — вот это и есть наша задача теперь. Сперва, конечно, мы основательно изучим ваши биотоки, посмотрим энцефалограммы, обработаем при помощи электронных машин...

АЛЕКС (*почти на ухо Альде*) — Это всё — не сегодня, это — много дней.

ЭНИ — Даже недель.

ФИЛИПП — И в конце концов мы вас подвер... мы применим к вам так называемую кибернетическую нейростабилизацию. Стабилизацию! — значит мы обеспечим вам самое оптимальное...

АЛЕКС (*на ухо*) — ... самое наилучшее...

ФИЛИПП — ... внутреннее душевное состояние и сделаем его стабильным, как будто вы родились с ним, как будто это не для науки, а дар природы. После этого никакие потрясения, никакие удары судьбы не будут вам страшны. Вы не будете никогда испытывать ужаса, гнева...

АЛЬДА (*вскакивает, вскрикивает*) — Что вы все на меня так смотрите?! Неужели я душевно-больная?... (*Стонет, едва не падает. Алекс успевает подхватить, вместе с Синбаром сажают ее в кресло. Эни подносит воды*)

АЛЕКС — Альда, милая, успокойся, что ты вообразила?... Выпей воды. Альда, что ты придумала? Неужели я хочу тебе хуже? (*Альда выпила воды, откинулась, безжизненна, бледна*)

ФИЛИПП — Сударыня, это совершенно добровольно, мы ни к чему не понуждаем вас, и вы можете уйти. Ну, наконец, если хотите, мы сегодня при вас сделаем запись биотоков с кого-нибудь другого, и вы убедитесь...

АЛЬДА (*после глубокого вздоха, слабо*) — А вы не обманываете меня? Вы меня там не запрете? не оставите?

АЛЕКС — Аль-да!!!

АЛЬДА (*грустно*) — Что ж »Альда«? Меня обмануть легко... (*обводит всех глазами*) Но нет, я верю вам. Это мне так померещилось. Что я должна делать? (*встает*)

ЭНИ (*ведет ее под руку налево*) — Пойдемте, милая, мы немного с вами переоденемся.
(*Идут. Альда из дверей оборачивается и улыбается Алексу, как бы прощая его*)

АЛЕКС (*тихо*) — Ее волнение — не испортит записи?

ЭНИ (*услышав, из двери*) — Как-раз наоборот: будет четкая запись!

(*Уходит. За ними — Кабимба*)

СИНБАР — Это очень хорошо, что она так взволнована!
(*уходит туда же, прикрывая дверь*)

ФИЛИПП (*кивает*) — Это позволит оптимально выявить характерные для нее частоты! Да, хороша твоя кузина, Ал. Вот из кого выделить, что нам надо!

АЛЕКС (*удерживая его*) — Она — свечечка, Филипп! Она — трепетная свечечка на ужасном нашем ветру! Может, зря я ее привел?.. Не задуйте ее! Не повредите!

ФИЛИПП — Мы дадим ей настоящее гранитное душевное здоровье. Мы превратим ее нервную систему в неотклоняемый вектор! (*не пуская его за собой*) Ты — не ходи, ты будешь на нее воздействовать. Не ходи, останься!
(*уходит налево, закрывая дверь*)

АЛЕКС (*в колебании, в раскаянии — то к одной двери, то к другой*)
(*входит ДЕВУШКА из КОДОВОЙ ГРУПЫ*)

ДЕВУШКА — Мистер Кориэл! Код нанесен. Перфолента готова!

АЛЕКС — Да? Иду... (*смотрит туда и сюда*) Иду. Иду.
(*медленно уходит направо вслед за девушкой. Близ левой двери вспыхивает светящееся незамеченное нами прежде табло*):

ИДЕТ ЗАПИСЬ

Не входить !!

(З а н а в е с)

КАРТИНА 4

(В доме у Радагайса. Попеременно: большая гостиная, где рояль, радиолоа, телефон; малая гостиная с телевизором; в конце еще и прихожая. Из обеих гостиных в глубине видна столовая, где уже расстроен обильный праздничный стол.)

Часть ГОСТЕЙ в большой гостиной слушает АЛЬДУ, гладенько играющую на рояле пьесе Шуберта. Другие ГОСТИ — в столовой всего их человек около двадцати пяти, университетская публика, среди них — энергичный средних лет ГЕНЕРАЛ.

В малой гостиной сидит ТЕРБОЛЬМ; стоит, слушая игру Альды, АЛЕКС.

Фортепьянная пьеса тут же и кончается. Аплодисменты. Многие переходят в столовую)

АЛЕКС *(очень расстроен. Садится возле Терболяма) — Разве это поздний Шуберт? Разве это поздний Шуберт!!.. (берется за голову)*

(в столовой — импровизированный тост, кто сидит, кто стоит. Оттуда слышен)

ГОЛОС ФИЛИППА — Дорогие друзья! Много лестных тостов было сегодня произнесено в честь создания института биокибернетики, в честь его жарких научных боев, в честь получения профессорского звания вашим покорным слугой. Но мы обошли одну из главных виновниц торжества — госпожу Альду Крейг, чьей прелестной игре мы все только что аплодировали и чье многомесячное любезное сотрудничество с нашей лабораторией помогло нам блестяще доказать эффективность нашей методики, нашу способность преобразовывать характер человека! *(аплодисменты)* Однако, перед тем, как поднять тост, мне хочется поднять вот этого крепыша, *(двумя руками высоко поднимает мальчика, тот хочет спать; смех)* сына госпожи Альды, которого мы вернули счастливой матери.

ГОЛОС — Радагайс! Вы так гордитесь им, будто целиком изготовили его в лаборатории биокибернетики.
(смех)

ФИЛИПП — зубоскальте-зубоскальте! А мы видим в нем символ нашей удачи! (аплодисменты. Опускает мальчика) Итак, за госпожу Крэйг и ее сына!
(гол. одобрения. Пьют).

АЛЕКС — Я не понял, Тербольт, — хозяйку этого дома вы откуда же знаете? Ведь здесь, у Радагайс, вы не бывали раньше?

ТЕРБОЛЬМ — А — в больнице, в Гран-Эрроле. Я там свой человек: я лежал там многие годы. Теперь показываюсь врачам иногда. И вот меня подвели к ее постели, чтоб на моем примере приободрить.

АЛЕКС — Удобно ли спросить, что было с вами?

ТЕРБОЛЬМ — У меня в юности были очень большие слабые ноги. Они и сейчас не крепкие. Когда я волнуюсь — мне трудно стоять. Я пролежал семь лет. Я не был уверен, что встану.

АЛЕКС — Семь лет вы пролежали, отроду вам тридцать четыре, когда ж вы так много успели?

ТЕРБОЛЬМ — По аналогии со своим печальным опытом вы можете догадаться: именно потому и успел, что лежал. Недостаток внешнего движения вызывает к движению внутреннему.

АЛЕКС — Но всё-таки — как вы могли додуматься посягнуть на человеческое общество?!

ТЕРБОЛЬМ — А социология в о о б щ е, то есть, болтовня — это не худшее посягательство? Когда мы беремся вмешиваться в будущее, не умея предсказывать его ни точно во времени, ни точно в пространстве, ни — точно по форме и величине?
(проходят ГЕНЕРАЛ и СИНБАР)

ГЕНЕРАЛ — Слушайте, доктор, с кибернетикой мы уже немножечко обожглись. Обожглись! Даже у такой полезнейшей кибернетики, как военная, оказалось коварное свойство... э-э... перешагивать.

СИНБАР — Перешагивать?

ГЕНЕРАЛ — Да! Через задачи, поставленные командованием.

СИНБАР — Инициатива! Вы должны радоваться.

ГЕНЕРАЛ — Слушайте, чему тут можно радоваться? Первая машина была сделана против в о з д у х а. Она получала от локаторов сигналы о подходящих самолетных группах, ракетах, всё это моментально обрабатывала, молодчина, и сама же включала ракето-дромы, аэродромы, зенитные батареи — очень хорошо!

СИНБАР — Очень хорошо.

ГЕНЕРАЛ — Но не очень! Уже тогда появилось сомнение: э-о-о... а-а... авиационному командованию что же делать? Ладно. Тут нам сделали вторую модель — «Воздух и Вода». Теперь в нее входили сигналы еще от подводных лодок, от кораблей, от торпед, всё это обрабатывалось, выскакивало, и сама машина совершенно немедленно давала лучшее решение: какому нашему кораблю куда стрелять, какие контр-торпеды... какие минные заграждения... И все наши адмиралы... э-э-э... вы понимаете?

СИНБАР — Начинаю улавливать.

ГЕНЕРАЛ — Так тут наши электронные умники стали делать нам такую Главную Штабную Машину! и поменьше — Корпусную! и поменьше — Дивизионную! В которые теперь должны закладываться и все данные с земли — движение моторизованных частей, саперные работы, переправы, расположение артиллерии... И машина всё это с какой-то чертовой скоростью проворачивает и дает безупречно-лучший вариант боя! А? А?

СИНБАР — Так победа будет наверняка за вами?!
Блестяще!

ГЕНЕРАЛ — Да на кой черт нам такая победа! Кто обслуживает машину? Университетские мальчишки! А люди, умудренные опытом мировой войны, локально-колониальных войн, люди, покрытые орденами пол-ко-водцы!?! Какой труд в человеческом обществе ценится выше, чем пол-ко-водческий? Какие гении оставили в истории более яркий

след, чем пол-ко-водцы? Александр Македонский, Чингис-Хан, Батый, я не буду перечислять. Так что нам с такой кибернетикой? Р-разогнать?!

СИНБАР — Господин генерал! Но уверяю вас, что биологическую кибернетику...

ГЕНЕРАЛ — ... не придется ли тоже когда-нибудь разогнать?

СИНБАР — Может быть и разогнать, но совсем в другом смысле: придать ей побольше скорости!
(Генерал хохочет. Показывается шуточная процессия: ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ДИПЛОМНИКИ, обмотав головы полотенцами, как чалмами, выбивают ритм — в самодельный бубен и ложкой по кувшину. ДЕВУШКА из КОДОВОЙ ГРУППЫ идет с печальными плясовыми движениями. Сзади — КАБИМБА, меланхолически улыбаясь. Все мужчины уже изрядно выпили)

СИНБАР (переграждая дорогу) — Что это?

1-й ДИПЛОМНИК — Торжество омрачено, сэр! В этот веселый вечер мы провожаем Кабимбу и хороним его диссертацию...

КАБИМБА (машет) — Забирайте, что хотите...

СИНБАР — Но вы еще к ней вернетесь?

КАБИМБА — Всё стареет, пока вернусь.

2-й ДИПЛОМНИК — Кабимба! Еще не поздно одуматься!

1-й ДИПЛОМНИК — Кабимба! Не платите за билет! Вот этот капитан (показывает на Синбара) может вас подкинуть в Африку бесплатно!

ДЕВУШКА из КОД. ГР. — Капитан! Не разрежьте нас лопастями! (расталкивает дипломников) Железный капитан! Мы пропускаем вас!
(Синбар и Генерал проходят между ними. Молодежь возобновляет процессию)

СИНБАР (указывает Генералу на Терболяма) — А вон тот белокуренький — вы знаете кто? Вот кого надо, генерал, душить в колыбели... Он...

(рассказывает беззучно)

ТЕРБОЛЬМ — Теперь в мои две голые комнаты ломятся корреспонденты, нюхают, ищут — где же эта машина, которая должна изображать собой государственное устройство? Задают мне вопросы вроде таких не может ли моя машина остановить революцию? Не может ли моя машина заменить правительство? не может ли она обеспечить успех всеобщего разоружения? (смеется) А машины нет. Как? Еще нет? Уходят разочарованные.

АЛЕКС — Я боюсь, вам не следовало так рано печатать статью. Открывать себя.

ТЕРЕБОЛЬМ — Что делать? Нельзя ж идеям лежать. Не хватит сил у нас — пусть сделают другие. Денег нам не дают. Сотрудники к нам не идут. Вот вы ж не пойдете?

АЛЕКС — Не пойду. Но не потому, что у вас нет денег, а потому, что боюсь — как это вы начнете кромсать бедное человечество...

ТЕРБОЛЬМ — Кориэл! Просительно кому-нибудь другому сказать, но не вам. Почему мы должны отказывать коллективу людей — общество в тех принципах информации, координации и обратной связи, которыми в отдельности пользуется каждый человеческий организм, каждый коллектив клеток?
(Синбара нет)

ГЕНЕРАЛ (подходя) — А слово «коллектив» вы не могли бы заменить каким-нибудь другим? »Коллектив« как-то отдаёт социализмом.

ТЕРБОЛЬМ (пытается встать, но садится) — Ничего не могу. Это удачное слово. Например, мозг.
(Темнеет. Засвечивается модель: на сфере дышат переменной яркостью множество отдельных точек. Внутренность сферы темна) Между клетками — связи.
(живые светящиеся ниточки то зажигаются, то гаснут, пересекая по хордам внутреннее пространство шара). Только эти свободные связи и позволяют организму выживать, то есть противостоять внешним разрушительным явлениям и восстанавливать себя после повреждения. Если же связи жестоко регламентированы,
(на модели все точки и все нити замирают в одном

положении) то развитие останавливается и жизнь оказывается под угрозой.

(схема гаснет. Свет.)

Так и обществу надо уметь переживать свои разрушительные явления: засуху, эпидемию, землетрясение, экономический застой, финансовый крах, войну...

ГЕНЕРАЛ — ... Революцию...

ТЕРБОЛЬМ — Изю всего этого надо выходить восстановленным и способным к дальнейшему развитию. И для всего этого обществу необходимы только: безупречная информация, координация и обратная связь.

ГЕНЕРАЛ — Но причем тут электронная машина?

ТЕРБОЛЬМ — А те же принципы и у машины — информации, координации и обратной связи. Машина будет моделью общества. И вот любую реформу, предлагаемую для общества, не надо долго обсуждать, не надо гадать, голосовать — укрепит она общество? или ослабит? или разрушит? Реформу эту мы кодируем, впускаем в машину, и через несколько минут — ответ!

АЛЕКС — Вообще — здорово!

ГЕНЕРАЛ — Ничего не понимаю! Проверять реформу на какой-то безответственной электронной машине, если о ней достаточно авторитетно может судить парламент? министр! и наконец, совет министров!

ТЕРБОЛЬМ — Видите ли, беда в том, что люди могут находиться во власти случайных настроений. Оскорбленных самолюбий. Групповых пристрастий и антагонизмов. Тщеславия. Поспешности.

АЛЕКС — Да скажите просто — они могут быть корыстны! Уж человеческим ли обществом не управляем при помощи злой воли?

ГЕНЕРАЛ (не в первый раз всматриваясь в Алекса) То есть, какими обществами и когда?

АЛЕКС — Ну, я говорю — раньше, раньше.

ГЕНЕРАЛ — Ах, раньше? Это верно. (Тербольтму) Но

чем вас не устраивает совершенное демократическое государство?

ТЕРБОЛЬМ — Вот по такой схеме? *(Темнеет. Засвечивается модель — пирамида. Внизу много мелких светящихся точек, чем выше — тем их меньше, но они крупней. Светящиеся линии связей от основания к вершине не мигают, так же как и точки).* В ней нет гибкости. Очень сложное соединение элементов. Почему-то нигде в природе мы ничего подобного не находим. Эту форму придумали люди и отнюдь не удачно. Живые клетки предпочитают соединяться... *(рядом с пирамидой снова засвечивается живой действующий мозг)*
вот так. Без кучера. *(обе схемы гаснут)*

ГЕНЕРАЛ — Ну, знаете, господа, мы все за демократию, но в разумных же пределах. Без сильной руки демократия невозможна. А если этот ваш... коллектив автоматов... сойдет с ума и погубит нацию?

ТЕРБОЛЬМ — Опасность есть всегда, во всякой конструкции. Мост может рухнуть, самолет — развалиться. Обязанность создателей — неблагоприятные возможности пресечь.

АЛЕКС — Но зато злоупотреблений — можно скорей ожидать от людей. Эта электронная машина во всяком случае не будет стремиться нажить капиталы! пристроить родственников! потребить общественной энергии больше, чем ей отведено по схеме. Она не начнет войны и не потребует завоеваний.

ГЕНЕРАЛ — Я всё время смотрю на вас и не могу вспомнить — откуда я знаю ваше лицо?

АЛЕКС — Я тоже не сразу вспомнил. Вы раньше не служали в управлении Мыслей и Чувств?

ГЕНЕРАЛ — Допустим.

АЛЕКС — А не приходилось вам инспектировать Пустынной Каледонии?

ГЕНЕРАЛ — Да.

АЛЕКС — Так я приходил к вам однажды. С протестом от имени каторжан.

ГЕНЕРАЛ — Ка-тор-жан?!

АЛЕКС — По поводу плохого питания и плохого обращения. Впрочем, протест мой успеха не имел.

ГЕНЕРАЛ — И вы не стесняетесь открыто вспоминать, что вы там были?

АЛЕКС — Если не стесняетесь вы! Я-то оправдан. Убийца оказался не я.

ГЕНЕРАЛ — Ну, знаете, »оправдан« этим не следует козырять. Это не следует понимать так, что вы совсем не виноваты.

АЛЕКС — А я понимаю так.

ГЕНЕРАЛ — Напрасно. (*Тербольту*) Молодой человек. То, что вы изложили — это какое-то маниакальное безумие. Вы хотите, чтоб обществом управляли машины?

ТЕРБОЛЬМ — Да нет же! Машины будут только моделировать реформы и проверять их. А управлять машинами...

ГЕНЕРАЛ — Инженеры? Ученые? ... Не пойдет. Не подойдет. Слушайте! Чтобы управлять обществом — к этому нужно готовиться с детства. Не во всякой семье родившись, вы можете управлять. Это — уменье немногих и ни на что не похожее. Я вам очень советую, молодой человек, изберите какое-нибудь более... э-э-э... прогрессивное направление. Займитесь Космосом. Промышленностью. Спортом, наконец. И вы будете благоуспевать. А на такую машину вы не получите нигде не шиша. И может быть, в интересах демократии придется вас немножечко подзавернуть. (*уходя*) Он хочет, чтобы машины управляли обществом! (*ушел*)

ТЕРБОЛЬМ — Вот так. И никто ко мне не идет. И вы тоже не идете.

АЛЕКС — Страшно, Тербольтм. Вот мы здесь взяли одно человеческое создание — и что наделали? А вы хотите — миллионы людей сразу!

ТЕРБОЛЬМ — Но никакой же »обработки« миллионов! Никакого натиска на душу людей! Мы только хотим помочь людям предвидеть их социальное будущее. Не вести человечество ложными путями. (*видно, как*

из столовой сюда ФИЛИПП катит столик-тележку с вином и тарелками)

Мы только разрабатываем правила перехода к идеально-регулируемому обществу.

АЛЕКС (*горячо*) — Хо-го! »Идеально-регулируемое« — это еще не значит идеальное! Для отдельного человека! Нет, так просто вы меня...

ФИЛИПП (*громко, с широками жестами*) — Друзья мои! Это уже нечестно! Надо уметь отдыхать! О т д ы х а т ь ! Otium post negotium!* И — так еще там?

ТЕРБОЛЬМ — Otium reficit vires**

ФИЛИПП (*почти кричит*) — Сегодня мы о т д ы х а е м ! А у вас деловой разговор? запрещено! (садится на подлокотник в свободной позе) Слушайте, Тербольм, неужели вы до сих пор на меня сердитесь? Да никогда не мешало ваше научное направление! Да мне не жалко, крутите его хоть до небес. Но жизнь есть борьба !! В тот момент мы столкнулись на узкой тропинке. Теперь же конфликт ликвидирован. Выпьем за дружбу! (*наливает всем трюм*)

АЛЕКС — Но за эти месяцы Тербольму пришлось...

ФИЛИПП (*смеется*) — Вот между прочим, если б не он (*кивает на Алекса*), мы б вас добились, это верно. (*кричит*): Но теперь конфликт улажен! Мы выделяемся из Университета, вам вернут ваш бюджетик, получите назад ваши комнаты, можете прихватить часть наших. Никаких последствий!

АЛЕКС — Последствия — моральные.

ФИЛИПП — Ал! То, что не материально — то не-суще-ствует! Выпьем!

ТЕРБОЛЬМ — Социальная кибернетика почему-то всех бешено задевает. Именно в общественной жизни все себя считают знатоками. У меня и без вас было много врагов...

ФИЛИПП — Да никогда я не был вашим врагом! И что вам враги? У вас еще больше идей! Вы напечатали

---

*) Досуг после работы.

***) Отдых обновляет мужчину.

такую статью — вы прогремели на весь мир! Вот если сейчас не выпьем — буду вашим врагом. Вы — социолог, я — биолог, я готовлю вам п о ч в у. За почву будете пить?

(к ним подошла ЭНИ)

В частности вы обижаете мисс Эни.

ТЕРБОЛЬМ *(взялся за бокал)* — Нет, я никак не хочу обидеть мисс Эни.

(Алекс тем временем пьет)

ЭНИ — А у меня не было большего праздника в жизни, чем сегодня.

ФИЛИПП — Это раз. А во-вторых мисс Эни была столь любезна, что взяла на себя роль хозяйки дома.

ЭНИ — Разумеется, только сегодня...

ФИЛИПП — И поэтому вы обижаете ее вдвойне.

ТЕРБОЛЬМ *(привстает, чтобы усадить Эни)* — Но тогда и вы с нами...

ЭНИ — Нет-нет! Я должна быть всё время в движении, и у меня должна быть сегодня особенно ясная голова.

ФИЛИПП — Ну, чуть-чуть можно. *(наливает ей. Алекс тянется налить себе снова)*. Спешите наверстывать, Ал! Правильно!

АЛЕКС — Куда спешить нам, Фил? Оказывается, мы нигде ничего не упустили. Разве только — осматривать средневековую готику.

ФИЛИПП — Ста-рьё!! Сломаем — и будем строить из пластмассы и стекла. Итак, за единение, за продвижение, за...

АЛЕКС — Но по возможности без генералов.

ФИЛИПП — А чем тебе не нравится генерал? Радужнейший человек! И расположен к нам! Ну, выпили-выпили-выпили! *(пьют вчетвером)* И помирились. Конфликт исчерпан! *(хлопает Алекса по плечу)* Отдыхать, отдыхать, Ал!

(Филипп уходит в большую гостиную. Эни идет в столовую. Ей преграждает путь СИНБАР, раскуривающий трубку. Сперва он стоит, не пропуская

ее, потом подчеркнуто уступает дорогу. Эни проходит. Синбар, покуривая, медленно передвигается по малой гостиной, рассматривает картины на стене.

Тихо доносится радиоло из большой гостиной)

ТЕРБОЛЬМ — И вот она там сейчас лежит, глаза в потолок, под лампочки, ей даже повернуться больно. А мы тут все знаем о ней и улыбаемся друг другу, будто не знаем. Так устроен мир: радоваться достается нам вместе, а страдать, болеть, умирать в одиночку.

(долгая пауза) Кориэл! Серьезно. Переходите к нам.

АЛЕКС — Говоря откровенно, Тербольт, я не только к социальной кибернетике, я ко всякой науке вообще отношусь с подозрением. Она доказала, что неплохо умеет служить тирании.

ТЕРБОЛЬМ *(подумав)* — Тираны рождаются не наукой. В ненаучную эпоху и в ненаучных странах их было еще больше.

АЛЕКС — Но и наука успела им неплохо послужить!

ТЕРБОЛЬМ — Ее захватили бессовестные руки! Вот и надо создать идеально-регулируемое общество, где науку не используют уже во зло.

(Синбар включает телевизор. Оба оборачиваются. Алекс отмахивается)

АЛЕКС — Синбар! Пощадите! Не надо сумашедшего дома! *(Синбар выключает. Прислушивается к их разговору)*

ТЕРБОЛЬМ — А вы? Вы относитесь к науке с подозрением, но всё-таки занимаетесь ею.

АЛЕКС — Да может быть и брошу, не знаю. Для меня главный вопрос в жизни был всегда: *з а ч е м?* Ведь в каждом частном мелком поступке... Выходя из дому, я всегда знаю, куда и зачем. И покупая какую-нибудь вещь я всегда знаю — зачем. А в крупном почему-то считается — можно не знать, не думать... Вот я работаю у Радагайса уже полгода и всех спрашиваю: зачем это мы всё делаем? Никто не может мне ответить. Зачем вообще наука? Мне отвечают: она интересна; этот процесс не остановить; она связана с производительными силами. Но всё-таки — зачем? Нам всюду подсовывают какие-то

странные цели: трудиться надо — для труда, жить надо — для общества.

СИНБАР — Высокая, прекрасная цель. Почему она вам не нравится?

АЛЕКС — Прекрасная, но не цель.

СИНБАР — Почему?

АЛЕКС — Так ведь если я живу для вас, а вы живете для меня — это замкнутый круг. Ответа »зачем мы живем?« — всё равно нет.

ТЕРБОЛЬМ — А »зачем мы живем?« — это неточная постановка вопроса. Мы же не родились актом собственной воли с заранее заданным намерением. Зачем можно было бы спросить либо у бога . . .

СИНБАР — Ну, боженьку сюда давайте не путать!

ТЕРБОЛЬМ — Религия смешна, это общепринято. Тогда — у наших родителей.

АЛЕКС — Но мы тоже родители. Значет — зачем мы даем жизнь?

ТЕРБОЛЬМ — Вот так можно. И еще так можно: поскольку ты уже родился и уже вырос существом сознательными, то какую ты лично ставишь перед собой цель? Или — никакой и живешь по необходимости горькой.

АЛЕКС — А, Синбар? Ваша цель? И цель ваших будущих детей?

СИНБАР — Счастье, конечно, что за наивный вопрос!

АЛЕКС — Ладно, но что такое счастье?

(Большая гостиная. Большая часть гостей — здесь. Пожилые — в глубине, за картами, малыша нет. Под крикливую песенку, исполняемую радиолой, несколько пар танцуют современное, в их числе — ФИЛИПП с АЛЬДОЙ, ГЕНЕРАЛ с ЭНИ. Вскоре танец кончается. Генерал подходит к Филиппу и Альде. Эни проходит по гостиной, следя, чтоб всем было весело).

ГЕНЕРАЛ — Я благодарю вас, профессор, за прекрасно проведенный вечер. Мне скоро пора уходить. На прощанье вы разрешили бы задать несколько вопросов вашей подопечной?

ФИЛИПП — Разумеется, генерал, разумеется!

ГЕНЕРАЛ — (Альде) Я вас не утомлю? Не обескуражу?

АЛЬДА (всё, что она говорит сегодня, — размеренно, равнодушно, отчасти устало) — Пожалуйста. (салятся)

ГЕНЕРАЛ — Скажите, свойственно ли вам было прежде чувство страха? Страх?

АЛЬДА — Очень.

ГЕНЕРАЛ — Вы — боялись, да? И чего же вы боялись?

АЛЬДА — Мне сейчас даже не верится. Всего боялась. По утрам — что надо идти на шумные улицы. По вечерам — одиночества, темноты.

ГЕНЕРАЛ (с надеждой) — А теперь?

АЛЬДА — Ничего не боюсь.

ГЕНЕРАЛ (всплескивая) — Великолепно! Замечательно! . . . Ну, а например — страх за сына?

АЛЬДА — А почему я могу бояться за сына?

ГЕНЕРАЛ — Кстати, у вас его отнимали, да? По суду?

АЛЬДА — Нет, свекровь только угрожала судом — и я сдалась. Я издерганная была. А теперь вот мистер Радагайс выхлопотал мне медицинские справки. И я решительно забрала.

ГЕНЕРАЛ (просияв) — Р е ш и т е л ь н о? Вот это интересно тоже. Вам раньше свойственны были . . . колебания?

АЛЬДА (смеется деревянно) — Никогда я не знала, как сегодня одеться. Как построить день. Что приготовить поесть. Если бы вы дали мне на выбор две одинаковых конфеты — я б не выбрала.

ГЕНЕРАЛ — Эт-то замечательно! Эт-то удивительно! Ну, благодарю вас, благодарю! Вы не представляете, как вы меня радуете!

(встает. Филипп тоже)

Скажите, ну а в масштабе . . . э-э-э . . . сотен человек? Тысяч? . . Я не говорю пока . . . э-э-э . . . миллионов? Такую операцию можно произвести?

ФИЛИПП — Средства! Только средства, господин генерал.

ГЕНЕРАЛ — Так я гарантирую вам! Можно считать, что в текущем году ваш институт уже на нашем бюджете.

(целует руку Альде. Подошла ЭНИ. Филипп направляется провожать)

Нет-нет, уж доставьте удовольствие, пусть меня проводит ваша обаятельная хозяйка. *(прощается. Уходит с Эни)*

ФИЛИПП — А куда делся ваш бутуз?

АЛЬДА — Да где-то Эни его положила спать. Кажется, в комнате Ники *(кивает налево)*

ФИЛИПП — Очень вы были внимательны к Нике, скрасили ей немало вечеров. Спасибо. Понимаете, трудно было решиться на этот шаг, но... Болезнь так затянулась... Дома невозможно было обеспечить правильный уход, полное лечение.

АЛЬДА — Это понятно.

ФИЛИПП — И, по-моему, ей там будет даже лучше. Там будут разные процедуры...

АЛЬДА *(кивает)*

ФИЛИПП — У нее появится надежда на выздоровление.

АЛЬДА — Но надежды нет —

ФИЛИПП — Нет. И куда же, Альда, теперь вы?

АЛЬДА — В мою обычную жизнь.

ФИЛИПП — Если собирать телевизоры — не допущу! Вот развернется мой институт — я устрою вас у себя. Это будет и оплачиваться лучше и...

(звонит телефон. Возвратившаяся ЭНИ берет трубку)

ЭНИ — Квартира профессора Радагайса... Да, празднуем, но кто это? *(холодно)* А, здравствуйте... Эни, да... Разумеется, в полном составе... Я передам ваши поздравления... Она здесь. Я позову ее сейчас. *(громко)*: Альда!

(но кто-то на мгновение еще громче включил радиолу, и Альда не слышит. Эни в трубку):

Почему не надо? Я сейчас позову... Хеллоу! Хеллоу!

(недоумение. Кладет трубку. Идет к Филиппу и Альде)

Я прошу извинить меня, но звонила Тилия Крейг. Она передала новому профессору и новому институту свои... самые пылкие, как она выразилась, поздравления. *(Филипп молчит)* Затем она попросила к телефону вас, Альда, но тут же бросила трубку. Может быть вы позвоните ей сами?

АЛЬДА *(пожав плечами, встает, медленно идет к телефону. Сев около него, звонит. Но никто не подходит)*

ЭНИ — Фил! Я скоро буду тебя ревновать. И к Альде. И к Тилии.

ФИЛИПП *(улыбается)* — Сядь. *(Эни садится)* Ты сегодня держишься отлично, с прекрасным тактом. Ты просто освещаешь всё вокруг.

ЭНИ — Но не думай, что мне легко, Фил. Во всех глазах мне чудится осуждение или насмешка. Двусмысленное положение.

ФИЛИПП — Так вот, чтоб оно не было больше двусмысленным — сегодня ты будешь хозяйкой до конца. Хватит скрываться! Дверь за последним гостем мы закроем с тобой вместе.

ЭНИ *(живо)* — Нет еще!

ФИЛИПП — Да!! До каких пор мы, живые, должны сторониться перед тенью? Это же не логично! Довольно, что мы в дом не могли войти, не испытывая этого давления упрека. Да теперь она сама со временем всё поймет и примирится.

ЭНИ — С чем же ей примириться, Фил? С тем, что мы ждем ее смерти?

ФИЛИПП — А мы вовсе не ждем. Пусть живет себе. Но будем жить и мы!

(Снова малая гостиная. ТЕРБОЛЬМ, АЛЕКС и СИНБАР — в оживленном споре. Трубка Синбара тоже участвует в его аргументах)

ТЕРБОЛЬМ — Так примем, что счастье — это ду-

шевная полнота? У кого есть ощущение наполненности его жизни — вот тот и счастлив.

АЛЕКС — Что-то близкое, но еще не то. Ощущение наполненности жизни может возникнуть и от добрых и от злых причин. Наполнена жизнь ученого. Одинокой старушки, лечащей больных кошек. Но мерзавца, который богатеет за счет других. Но гусеницы, поедающей плодоносное дерево. Если всё это счастье, так поставить ли его целью? Не следует ли такие счастья различать?

СИНБАР — Но кто будет различать? Вы? Или я? Почему мерилом правильного счастья будет ваша точка зрения, а не моя? а не его?

АЛЕКС — Не моя и не ваша! — внутренний нравственный закон! Быть счастливым — но не в противоречии с ним!

СИНБАР — Ка-кой еще внутренний нравственный закон? Врожденный, что ли? (*хохочет*) Изучайте медицину! В нашем организме просто нет органа, в котором помещался бы внутренний нравственный закон!

АЛЕКС — Я знаю вашу теорию: всего человека с Рафаэлем и Шопеном объяснить гормонами.

СИНБАР — Да! изучайте гормональную жизнь! А то — абсолютная мораль, бабушкины сказки! Всякая истина конкретная! И всякая мораль относительна!

АЛЕКС — Проклятая зацепка с относительностью морали! Вы любое злодейство оправдаете относительностью морали! Изнасиловать девушку — всегда плохо, во всяком обществе! И — избить ребенка! и выгнать из дому мать! и распространить клевету! и нарушить обещание! и использовать во вред доверчивость!

СИНБАР — Ерунда! Га-ли-ма-тья!

АЛЕКС — Как? Это всё может быть и хорошо?

СИНБАР — А — убить собственных родителей, если они постарели, это плохо или хорошо? Вон, расспросите Кабимбу? Есть такие племена, где это хорошо, даже гуманно.

ТЕРБОЛЬМ — Так, может быть, закон есть, но проясняется нам тысячелетиями? И еще дополнительно программируется каждым обществом?

СИНБАР — Не барахтайтесь! Никакой абсолютной морали! И никакого внутреннего нравственного закона! А если б он и был, то не было бы такой силы, которая заставила бы нас с ним считаться!

(появляется АЛЬДА. Ее не замечают).

АЛЕКС — Такая сила есть!

СИНБАР — Назовите!

АЛЕКС — Смерть!! Постоянная загадка смерти! Постоянная преграда перед нами — смерть! Вы можете изучать кибернетику или голубые галактики и всё равно никак вам не перескочить через смерть!

СИНБАР — Будет время — перескочим и через нее!

АЛЕКС — Никогда! Смертно всё во Вселенной — даже звезды! И мы вынуждены философию свою строить так, чтобы она была годна и к смерти! Чтоб мы были готовы к ней!

СИНБАР — Надоели эти кладбищенские нравоучения! Ими хотят задавить живую клокочущую жизнь! Сколько времени занимает несчастная смерть — голый момент отрицания, небольшой дополнительный фактор — по сравнению с нашей длительной разнообразной многокрасочной жизнью?

АЛЕКС — Мала по времени — не мала по значению! Не прячьтесь — найдет!

ТЕРБОЛЬМ — Мы так говорим о смерти, будто умирать будет кто-то другой, а не мы.

СИНБАР — Мы так говорим о смерти, будто мы умираем каждый день! Земной шар — велик! Людей — три миллиарда. Почти невероятно, чтобы во всякий данный момент в эту дверь *(показывает на правую)* вот, я бесстрашно оборачиваюсь к ней, — чтоб в эту дверь вошла чья-нибудь смерть!

(все обернулись на дверь, мгновение ждут. Но никто не входит. Синбар издает смешок. Воспользовавшись паузой, Альда, подошедшая сзади к

Алексу, трогает его за руку. Тот оборачивается)
Больше того! Вот я иду и заглядываю в прихожую.
(заглядывает) Нет никого и там!

АЛЬДА — А ты всё споришь? И охота тебе? Мрачность
какая-то.

АЛЕКС (*усаживает ее рядом: в споре он был радостно-
возбужден, сейчас затемнился*) — А что я... ты бы
хотела?

АЛЬДА — Ну, потанцевать, что ли? .

АЛЕКС — Что за занятие — танцевать?

СИНБАР (*из двери, Тербольту*) — Ну, я, пожалуй, пой-
ду покурю около форточки.

*(уходит направо. Тербольт тоже поднимается,
уходит в большую гостиную)*

АЛЬДА — Отчего ты не подошел ко мне за целый ве-
чер? Мог бы сказать, как я играла.

АЛЕКС — Очень прилично. Очень технично. А тебе
самой как кажется? (*пьет*)

АЛЬДА — По-моему неплохо. Всем понравилось.

АЛЕКС (*молча кивает*)

АЛЬДА (*улыбается*) — Генерал меня сейчас расспраши-
вал. Удивлялся. Я еще ему не рассказала, как я
стала всё спокойно переносить. В кино не плачу. А
вчера на улице при мне автобус задавил собаку.
Большую бело-рыжую собаку. Она спокойно так
переходила улицу наискосок и автобуса не видела.
И он почему-то не гудел. Толкнул ее мягко, как
ватную, и переехал. Но ты, Аль, как будто не рад
моему выздоровлению.

АЛЕКС — Что ты, что ты, я очень рад.

АЛЬДА — Ведь ты больше всех этого хотел.

АЛЕКС — Я больше всех? ... Да, верно.

АЛЬДА — Это ты меня заставил. Молодец. А теперь
не рад?

АЛЕКС — Я рад, Альда. Я рад. Тебе так кажется пото-
му... ну, может быть потому... Тебе не кажется,
что это ты ко мне переменялась?

АЛЬДА — Я к тебе? Может быть. Пожалуй, да. Но это тоже к лучшему, Аль. *(смотрят друг на друга)* Это к лучшему. *(пауза)* Да, между прочим, Тилия мне сейчас звонила, но бросила трубку.

АЛЕКС — Так может случилось что-нибудь?

АЛЬДА — Ну, почему обязательно надо предполагать плохое?

(приходящая. Здесь — вешалка с зимними пальто, большое зеркало, простая мебель. Налево — дверь в малую гостиную. Запертая входная. Окно. Около открытой форточки стоит СИНБАР, курит трубку. В дверь — короткой звонок. Синбар косится, нехотя идет открыть и отступает. Входит ТИЛИЯ в серебристой шубе)

ТИЛИЯ — Вы?! Вы знали, что — я?

СИНБАР — Сударыня, каждый день работая с биотоками, поневоле начинаю читать мысли.

ТИЛИЯ — Я... начинаю вас бояться... Впрочем, вам Эни сказала.

СИНБАР — За целый вечер я не сказал с ней ни слова.

ТИЛИЯ — Я могу вам поверить?... Кстати, а что ваша свадьба с Эни? От-кладывается?

СИНБАР — Да пожалуй. А что?

ТИЛИЯ — За откровенность — откровенность. Я не почувствовала бы этому браку.

СИНБАР — Почему?

ТИЛИЯ — Видите ли, это безотчетно. Женщины никогда не знают причин своих антипатий.. и... *(пристально)* симпатий. А почему вы не предлагаете мне раздеться?

СИНБАР — Мне кажется, вы не хотите этого.

ТИЛИЯ — Вы угадали... Я шла сюда, чтобы как-нибудь незаметно вызвать вас... друг мой. Ведь вы мой друг? Вы обещали мне дружбу!

СИНБАР — Я — ваш друг.

ТИЛИЯ — Синбар! Мне так нужна сейчас мужская защита! Положение профессора Крейга резко ухуд-

шилось, вы предсказали верно. А ведь как я старалась его беречь! Я всё время старалась, чтоб он не ложился, а продолжал работу до последнего дня! Переделывал свой учебник, так и не кончил.

СИНБАР — Это несколько необычное лечение.

ТИЛИЯ — Но это так понятно! Я боялась, что слишком серьезное лечение наведет его на слишком серьезные мысли. Если б он прекратил работу, слег, задумался — это как-раз могло бы ускорить его конец. Но мой метод не помог: теперь врачи говорят — вопрос нескольких дней. Я хочу знать ваш телефон. *(протягивает записную книжечку)* Рабочий там уже записан, но мне нужно и ночью в любую минуту. *(Синбар записывает)* Ведь библиотека — редкая по ценности, это же стоит десятки тысяч! Там рукописи великих композиторов! письма Тосканини, Стравинского! В доме начнется кавардак, проходной двор, сбегутся родственнички на-ха-лы и всё могут растащить! Надо будет в первую же минуту опечатать. Вы не покинете меня, Синбар?

СИНБАР *(целует ей руку)* — Значит, вы едете домой.

ТИЛИЯ — В том-то и дело, что нет! *(скороговоркой)* У нас в редакции сейчас срочная подготовка к конгрессу — за право каждой страны иметь ядерное оружие, но подать это нужно как борьбу за мир, очень тонкая работа!

СИНБАР — А лучше бы вам быть дома, Т и л и я.

ТИЛИЯ *(вздрагивает. С жестом просьбы)* — Ну, сегодня вечером никак! Такая горячка — обработка делегатов! Но потом — только дома, обещаю вам. Да, кстати, у меня же новая машина! Пневматическая подвеска заднего моста, гидравлическое переключение передач, цвет «брызги бургундского», а внутри отделочка!! — не посмотрите?

СИНБАР — Но я надеюсь в ней еще поездить?

ТИЛИЯ — И я — надеюсь!... А теперь прошу вас очень: позовите на минутку Альду!

СИНБАР — Хорошо. Только вы с ней осторожно. Чтоб не было потрясения. Это наша продукция четырех месяцев работы. Осторожно!

(грозит. Уходит налево. Тилия проверяет себя перед зеркалом в шубке и распахнув. Слева скучающе входит Кабимба)

КАБИМБА — О-о-о-о? *(останавливается)*

ТИЛИЯ *(показываясь ему оживленным движением)* — Я слышала — вы уезжаете! Но вы будете вспоминать?.. как мы плавали.

КАБИМБА — Вас трудно забыть.

ТИЛИЯ *(быстро, смотрит в просвет двери)* — Там никого? *(оттягивает Кабимбу дальше от двери)* Ну, на прощанье! поцелуйте меня быстренько! крепко-крепко! *(виснет на нем, тотчас соскакивает)* Скажи, Кабимба...

(в двери — Альда)

... неужели ваш дом стоит на сваях? Это ужасно! Вообще — вы из Северной Африки из Южной?

КАБИМБА — Из Центральной.

ТИЛИЯ *(машет рукой, печально)* — Ну, так привет Центральной Африке!

(Кабимба уходит)

Альдочка, милая! Только ты не пугайся! *(со слезами)* Папе о ч е н ь плохо! Ему хуже гораздо! Только ты не волнуйся.

АЛЬДА *(за весь вечер — первое резкое движение, первое сильное чувство)* — Папа?! Но он — жив??

ТИЛИЯ — Пока — да. Пока — еще жив. Я бы тебя не звала, тебе опасны волнения, но папа очень хочет тебя сейчас видеть.

(порыв Альды к пальто. Тилия держит ее)

Такие тяжелые дни, *(вытирает слезы)* а у меня в редакции работа, нельзя отказаться. О, общественный долг! Поезжай прямо к папе. Там — Джум. И побудь до меня. Но не вздумай приводить с собой Алекса, папа этого не переживет! Ему нельзя сердиться. Или вот что — я тебя подброшу на своей машине. Одевайся скорей! Жду внизу.

(уходит. Снова малая гостиная. АЛЕКС и КАБИМБА. Стоят)

КАБИМБА — ... все богаты, все беспечны, никогда им

не понять, чем живут остальные люди! Я себя ненавижу, что к ним прилипал! Я их всех ненавижу!

АЛЕКС — Кабимба! Ну, вот я тоже безнадежно отстал от них, из-за тюрьмы. Так что теперь? — расталкивать их локтями? бить им стекла? Кабимба! Ненависть и обида никуда не ведут. Это — самые бесплодные чувства на земле. Надо подняться и понять: мы потеряли века или десятилетия, нас оскорбили, нас унижали, а мстить — не придется. И не надо. И всё равно — мы богаче их.

КАБИМБА (*возмущенно*) — Мы? Чем богаче? Чем?

АЛЕКС — Тем, что перестрадали, Кабимба. Странанье — это стержень для роста души. А довольный — всегда душою нищ. Так будем строить потихоньку. (*Кабимба мучительно трет лоб. Вбегает АЛЬДА в пальто. Она вне себя. Слева входит ЭНИ*)

АЛЬДА — Эни! Я умоляю вас! Пусть сынишка переночует здесь! можно? Можно?

ЭНИ — Да, конечно! Но что с вами?

АЛЬДА — Ах, не могу! не могу! потом!... Аль! Иди сюда!!
(*утягивает Алекса за рукав в прихожую. Эни в тревоге ступает за ними, но останавливается. Снова прихожая.*)

АЛЕКС — Что с тобой? (*снежный ветер через форточку играет ее шарфом. Алекс захлопывает форточку*)
Что с то...

АЛЬДА (*сильно возбуждена*) — Папе — очень плохо! Меня Тилия ждет внизу! Но ты не езд!

АЛЕКС (*застегивая ее*) — Да, нас поссорили. Но если...

АЛЬДА — Что может быть с папой?? Мне страшно!!

АЛЕКС (*открывает ей дверь*) — Ты... я прошу тебя...
Альдонька! Альдонька!...

Стоят на пороге. Альда качнулась к нему. Он ее целует. Слева входит ФИЛИПП. Не видя его, Алекс машет Альде, спускающейся по лестнице, откуда еще слышен ее голос. Заперев дверь, Алекс видит Филиппа. Форточка опять распаивается с силой,

врывается струя метели. Филипп захлопывает форточку).

ФИЛИПП — Ах — Я давно тебе хочу сказать, да всё захвачен делами — женись-ка ты, братец, на Альде! Хороша ведь как, где ты лучше найдешь? Сестра двоюродная — это всё вздор, женись!

АЛЕКС — Я сообразил это и без тебя давно, Фил. Но я не знал, что... И сам-то я... И вообще это всё так сложно, так сложно...

(быстро входят ЭНИ и СИНБАР)

ЭНИ — Шеф! Что нам сделали с Альдой?

СИНБАР — Кориэл! Где Альда? Неужели вы ее отпустили?

ФИЛИПП — Как? А что с ней?

ЭНИ — По-моему, она полностью выбита из интервала стабилизации!

СИНБАР — Если амплитуда выше предельной...!

ФИЛИПП — И ты мог?.. Ал!

АЛЕКС — Я...

СИНБАР и ЭНИ *(вместе, наступая)* — Да как вы могли? наши усилия!! Четыре месяца!!

ФИЛИПП, СИНБАР, ЭНИ *(наступая)* — Наш единственный экземпляр! Наша общая работа!!

АЛЕКС *(отступая, перекрикивая)* — Наша! — общая! — работа! — я пользуюсь случаем сказать — окончилась!! Мы взяли чудо природы! и превратили его в камень! А по коридорам уже топают сапоги офицеров! Разрешите быть — свободным!!

(Занавес)

КАРТИНА 5

(Вечер. Кабинет профессора Крейга. Две стены заняты книжными полками. Лесенка. Письменный стол, два кресла, диван, открытая радиолка с нотами.

МАВРИКИЙ полулежит на диване, ноги его закутаны пледом. Открывается дверь. Стремительно входит АЛЬДА)

АЛЬДА — Папа, папочка!

МАВРИКИЙ *(с трудом подымаясь ей навстречу)* Альда!?

АЛЬДА — Что с тобой? Тилия сообщила мне, что тебе очень плохо...

МАВРИКИЙ — Как я рад, что ты пришла! Это лучшее из того, что я мог пожелать. Впрочем, кто, кроме тебя, мог бы сейчас побыть со мной?!

АЛЬДА — Не говори так... У тебя так много друзей, близких. Они тебя любят, восхищаются тобой.

МАВРИКИЙ — Нет, дочь... Последнее время я часто думаю о том, что всё, всё, что я делал, не так — и жалел об упущенном. Мы мечемся всё брать, чтоб только не жалеть. А вот когда странно пожалеть — умирая... Как это жить, чтоб не жалеть, у м и р а я?...

АЛЬДА — Папа! Вспомни свой юбилей! Сколько учеников! Сколько благодарностей!

МАВРИКИЙ — Учеников давнишних лет, когда я мог еще что-то. Да и тех половина не стоит ничего... Я натолкал в них терминов и цитат, а чувства доброго — ни крупички. Ничтожная жизнь!... Я жил в этом вертепе счастливых — и он меня съел... Так и пропала жизнь, которую все называют счастливой... Но почему мы так поздно слышим этот рог? эту трубу? — бесполезно и поздно... Еще в

понедельник наши головы заняты были тем, какой сервиз покупать — японский или китайский? ... Как это важно! А жестяная обливная кружка — чем она хуже? И если бы дали еще год разумной жизни, только чтоб пить из такой кружки?

АЛЬДА (*плача*) — Папочка! Это — приступ! Ты будешь жить! Ты будешь еще писать! А я — помогать тебе, хочешь? Что-нибудь простенькое, ноты переписывать, это я могу...

МАВРИКИЙ (*гладит ей голову, ласкает. Пауза*) — За что ты так добра ко мне, дочь? .. Ты одна за всю жизнь от меня никогда ничего не требовала — ни сервизов, ни гарнитуров... Душа моя! В чем ты ходила зимами? ... Как я мог никогда не подарить тебе платья? никогда не сшить пальто? (*плачут оба*)

АЛЬДА — Пусти! Я позвоню врачу! Это не шутка!

МАВРИКИЙ — Нет. Измучили. Никаких! ... Одна ты из всех родных моих носишь музыку в себе, а я тебя-то и не пустил учиться... Ты недавно приходила поиграть, а я не нашел времени тебя послушать... Наследница души моей! Этот рояль теперь твой, слышишь? (*берет ее голову*) Простишь ли ты меня когда-нибудь, дочь? ...

(*Альда обнимает его*) Аленька! Вон там, смотри... (*показывает на одну из полок*) Шуберт. Достань »Зимний путь«. Сыграем вместе.

АЛЬДА — Папа! Другое что-нибудь! не надо »Зимний путь«!

МАВРИКИЙ — Нет, только »Зимний путь«! (*подталкивает ее*) Скорей, а то я никогда его не услышу. Зимний путь...

(*вытирая слезы, Альда ищет лесенку, приставляет, взбирается наверх. Маврикий смотрит в окно. Сам с собой*):

Если Шуберт в тридцать лет не дрогнул — чего мне пугаться в семьдесят? И зачем жизнь — не умеющему жить? ... Метель... Метель... Всем можно сегодня остаться под крышей, а кому-то...

Нельзя... мне... медлить... доле...

Я должен... в путь... идти...

Дорогу... в темном... поле...

Я должен... сам... найти...

АЛЬДА (спускается с лесенки) — Вот он, папа.

МАВРИКИЙ (рассеянно) — Хорошо. Играй.

АЛЬДА (зажигает свет у рояля, садится играть «Спокойно спи»)

МАВРИКИЙ (слегка напевает):

Чужим пришел сюда я,
Чужим покинул край...

(не может петь, держится за грудь. Альда играет и плачет).

ВМЕСТЕ

Здесь больше ждать не стоит,
Нето погонят прочь...
И пусть собаки воют
У входа в дом всю ночь.

(музыка. Маврикий тихо ложится)

АЛЬДА (одна) — Давно пора котомку
С усталых сбросить плеч.
Давно пора на отдых
Мне где-нибудь прилечь.

(еще играет, потом оглядывается тревожно, обрывает игру)

АЛЬДА — Папа! Папа!!.. (бежит к нему) Отец! Ты жив?! (кричит) Оте-ец!! (бьется, опускается на колени, припадает к умирающему)

(входит ТЕТЯ ХРИСТИНА в темной нищей одежде, с маленьким свертком. Молча смотрит из дверей. Медленно идет к постели. Альда рыдает.

Христина проверяет зеркальцем, дышит ли умерший. Целует лоб мертвеца. Крестит его. Достает принесенную с собой свечу, ставит у изголовья, зажигает. Альда стихла. Тетя Христина раскрывает книгу и читает звучно, отрешенно):

ТЕТЯ ХРИСТИНА — «Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, — но на подсвечнике, чтобы видели свет.

»Итак, смотри: свет, который в тебе, — не есть ли тьма?»

(пауза, переворачивает страницу. Снова читает торжественно):

ХРИСТИНА — »И скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы. Покойся, ешь, веселись«.

(стремительно входят ТИЛИЯ, СИНБАР. За ними — ДЖУМ в мотоциклетном шлеме, очках, с большими перчатками. Все останавливаются внезапно, переклонясь вперед).

ТЕТЯ ХРИСТИНА — »Но бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут от тебя. Кому же достанется то, что ты заготовил?«

(все неподвижны)

(з а н а в е с)

КАРТИНА 6

(Небольшая скудно обставленная комната в первом этаже. В задней стене два оконца. За ними темно, вечер. Письменный стол. Низенькая дверь, подстать окнам. Хозяйственный угол.

Простая кровать, тот самый столик с проигрывателем и софы с пластинками, которые были в картине 1. Проигрыватель открыт, на нем пластинка.

АЛЕКС за письменным столом. Слегка постучав, тут же входит АЛЬДА. В руках — цветы и сверток)

АЛЬДА — Ну, медведь. Ты всё сидишь? А на дворе весна. Смотри, какие цветы продают.

АЛЕКС — Цветы хороши. Но довольно сознания, что их продают. Почему обязательно нужно иметь их каждый день у себя на столе? Это однообразно.

АЛЬДА — Цветы — однообразно?!

АЛЕКС — Во всяком случае это противоречит принципу экономии внутренней энергии. Выколачивать лбом дукаты, тут же их разбрасывать. Если любишь что-нибудь одно, всем другим приходится жертвовать.

АЛЬДА — Ты должен был бы радоваться, что у меня хоть эта привязанность не убита. *(окунается в цветы)* Я ведь теперь какой-то получеловек.

АЛЕКС (*походя к ней*) — Прости, Альденька. Я расстроен всё это время и не то говорю.

АЛЬДА — А что ты такое любишь, для чего нужно жертвовать всем другим?

АЛЕКС — Сам уже не понимаю. Мне сорок лет, я полон сил — и брошен на спину. Одно — вредно. Другое — бесполезно. Третье скучно смердяще.

(опять сел, опустил голову. Альда снимает плащ. Она в черном. Близ хозяйственного угла):

АЛЬДА — А здесь с прошлой субботы ничего не изменилось. Если ты считаешь, что кастрюли и тарелки можно держать так месяцами... А тетя Христина не оторвется от кошек...

(достает из свертка белый передник, надевает, засучивает рукава)

АЛЕКС (*увидел*) — Нет-нет, Альда! Не нужно! Я не согласен!

(спешит к ней, удерживает. Она так и не завязала еще предника)

АЛЬДА — Почему?

АЛЕКС — Я не хочу, чтобы ты здесь возилась.

АЛЬДА — Именно я? (*пауза*) Но я сестра тебе. (*пауза*) Хорошо, я тоже не приму от тебя ничего.

АЛЕКС — Слушай, это нельзя сравнивать. Если ты возьмешь на себя здесь все заботы, значит по сути...

АЛЬДА — Когда ты мне помогаешь... или когда мешаешь... ты настаиваешь..., что ты мой брат.

АЛЕКС — А когда это — я тебе мешаю?

АЛЬДА — Вот помешал пойти работать в институт к Филиппу.

АЛЕКС (*горячо*) — Но если ты будешь у них — они же не удержатся тебя опять стабилизировать. Папина смерть спасла тебя от этого ужаса! От моей тяжелой ошибки. От моей вины перед тобой...

АЛЬДА — Тогда ты за меня знал, что мне надо идти... Теперь ты за меня знаешь, что не надо... А сына — ты не воспитаешь за меня? Ты бы и своего-то не воспитал, Аль... по принципу экономии энергии.

А сыну лучше всего иметь — стабилизированную мать.

(замерла у него на груди. Большая пауза)

АЛЕКС — Водила ты его к отцу?

АЛЬДА — Водила.

АЛЕКС — Чего они хотят?

АЛЬДА — Не знаю, чего они хотят!... Не знаю!...
(плачет у него на груди)

АЛЕКС — Боже, как всё в мире перепутано, как всё не просто! *(пауза)* Эти господа, свершившие позднее правосудие — они серьезно думают, что вернули меня в прежнюю жизнь... Но всё утекло. Тот корень жизни, откуда я рос — кто мне теперь оживит? *(поднимает ей голову)* Ту девушку прежнюю, прежнюю — кто мне вернет?...

(за стеной — грохот, что-то упало. Алекс и Альда расступаются. Альда вытирает глаза. Алекс спешит к двери, но уже входят ФИЛИПП и ЭНИ)

ФИЛИПП — Что-то перевернули, друг. Но оно было пустое. О, и Альда здесь?

ЭНИ — Мы, впрочем, так и предполагали. Ты не испачкался? *(осматривает костюм Филиппа)*

ФИЛИПП *(тоже)* — Да вроде нет. *(Алексу)* Ну? Беглец! Здравствуй! *(рукопожатие с размахом)* Здравствуйте, Альда. Здравствуйте, мой немой укор! Творение наше!

(все здороваются)

АЛЕКС — Наше ли, Фил?

ФИЛИПП — Ну-ну-ну-ну! Всё в наших руках. Некоторый срыв с Альдой, срыв частичный, не разрушил, а только дополнил систему нейро-стабилизации. Он указал нам, какие внезапности надо предусматривать. Другое распределение напряжений по частотам, дополнительные серии сеансов, но опыты с людьми мы продолжаем, они обещают колоссальный успех! И я думаю, что Альда тоже согласится вернуться.

АЛЕКС — Нет, хватит! Альды ты уже не тронешь.

АЛЬДА — А почему? Мне было тогда так покойно.

ФИЛИПП — А? Слопал? Тиран! *(смеется)* Ну, так что

тут? Музыку слушаешь? Какую-нибудь нудь зеленую?

(раздается певучая мелодия из *allegro con brio* 2-го бетховенского фортепьянного концерта. Немного слушают) в таком духе я и опасался. Чистый наркотик. (снимает иглу) У тебя парагвайских танцев нет? Вот зажигают! Жизнь есть борьба!

(Альда сняла передник, спрятала в сверток. Они с Эни садятся одаль)

Так, так. Значит, сидишь и ставишь тут пластинку за пластинкой: дядюшка коллекцию подарил. (сердечно) Ал! Возвращайся к нам!

АЛЕКС — Теперь ты обойдешься уже и без меня.

ФИЛИПП — Это называется — бросить друга.

АЛЕКС — Бросить друга нельзя в беде. На вершине удачи можно.

ФИЛИПП — Вот именно. Потому я и здесь.

АЛЕКС — Спасибо, Фил. Но видишь ли, человек несчастлив лишь настолько, насколько он сам в этом убежден.

ФИЛИПП — Да просто нельзя так жить. Ты ничего не зарабатываешь.

АЛЕКС — Нет, почему, я остался в Университете, мне там платят.

ФИЛИПП — Сколько там тебе платят!

АЛЕКС — А не нужно много зарабатывать, нужно мало тратить. Мои потребности — полдуката в день. На автомобиль я не собираю.

ФИЛИПП — Тяжелый у тебя характер. Никакая жена с тобой не уживется. Бывают неудачники поневоле. Ты неудачник — по заданной теории. Наука? — так тебе неизвестно, за чем она! Талант у тебя — так ты не видишь для него цели!

АЛЕКС — Цель — вижу, пожалуй.

ФИЛИПП — Ну.

АЛЕКС — Скажу, только ты не смейся. Помнишь, говорил ты как-то, что гордился бы эстафету великой физики передать Двадцать Первому веку?

ФИЛИПП — Было, кажется.

АЛЕКС (подходя к проигрывателю) — Так хотел бы я

помочь донести туда одну эстафетку. Колеблемую свечечку нашей души.

(ставит иглу. Раздается негромко основная мелодия рондо из того-же фортепьянного концерта. Алекс показывает ее трепет и перебегание. Выключает)

Там, в Двадцать Первом веке, пусть делают с ней, что хотят. Но только б не в нашем ее задули, не в нашем — стальном, атомном, космическом, энергетическом, кибернетическом...

ФИЛИПП (недоумевая) — И что для этого практически надо делать?

АЛЕКС — Вот это-то и вопрос...

АЛЬДА (Эни) — Два дня у гроба перед фотокорреспондентами она рыдала у меня на плече и кричала: »бедная девочка! я заменю ей отца!« Но едва завалили могилу, я была ославлена воровкой, интриганкой, будто я хотела поживиться папиным роялем. А папа действительно завещал его мне. Мои первые детские воспоминания: он сидит за ним и играет. И девочкой начинал учить меня на нем же... Впрочем, Аль говорит — хорошо, что рояль мне не достался, он не прошел бы ко мне ни в окно, ни в дверь.

ЭНИ — Как у них всё изменилось в доме! Библиотеку и рукописи распродали, Джума погнали на работу. Тилии был от железного капитана крепчайший нагоняй за то, что она сорвала нам работу с вами.

ФИЛИПП — Уже и Синбар выделяется в отдельный институт — медицинской кибернетики.

АЛЕКС — Финансируют? Те же хозяева?

ФИЛИПП — А что тут плохого? У нас очень плодотворное направление.

АЛЕКС — Даже черезчур плодотворное! Мало-помалу вы подберетесь к чтению человеческих мыслей.

ФИЛИПП — Это бы сверхзавлекательно! Но мысль оказалась изоэнергетична: правдивая и ложная мысль, утвердительная и отрицательная имеют одну и ту же энергию, и ничего не различишь.

АЛЕКС — Какое счастье!

ФИЛИПП — Прямо беда.

АЛЕКС — Так вы не успокойтесь, начнете щупать фор-

му кривой, я знаю! И в один прекрасный день явятся к тебе джентльмены от учреждения из трех букв...

ФИЛИПП — Из трех букв?

АЛЕКС — УМЧ — Управление Мыслей и Чувств. Поставят охрану около твоих электронных машин — и начнут читать мысли граждан. Уж если и это придет в мир — пусть не через меня. Не хотел бы я тогда не только работать в твоём институте, но и жить на земле.

ФИЛИПП — Не знаю. Пока еще мы к этому не подошли.

АЛЕКС — »Детекторы лжи« уже есть, не за горами и это.

ФИЛИПП — Но — ты? Ты! Ты кибернетики отведал, уже отравлен и не бросишь. В какую ж подашься? В космическую?

АЛЕКС — Ничего мы в Космосе не потеряли. Мы на земле теряем последнее наше.

ФИЛИПП — Так уж не в социальную ли? *(хохочет)* К Тербольму?

АЛЕКС — Да вот есть два письма. Зовет.

ФИЛИПП — Да никакой у них поддержки нет, финансов нет, вообще лавочка, мыльный пузырь! *(читает)*

АЛЕКС — Он мне и магнитофонное письмо прислал. Из больницы.

(ставит кассету)

ФИЛИПП — Что, опять у него с ногами? *(читает, магнитофона не слушает)*

ГОЛОС ТЕРБОЛЬМА *(с ленты)* — Вы всё спрашивали, Кориэл, за чем наука? Вот я снова лежу и вдруг с ясностью понял, что мог ответить. Не надо смущаться внешними целями науки — кто и куда хочет ее направить, для чего использовать. Кстати, уже не раз ее запрягали везти в одну сторону, а она смеялась и привозила в другую. Но кроме целей явных, видимых всем, у науки есть еще какие-то таинственные. Как у искусства. Наука нужна не только нашему разуму, но и нашей душе. Осознать мир и осознать человечество может быть так же

необходимо нам, как... иметь совесть. Да, такая у меня гипотеза: наука нам бывает нужна и как совесть! (пауза) А сейчас...

(Филипп читает. Алекс пристально смотрит на него)

...микрофон перенесут...

АЛЕКС (резко останавливая) — Дальше не важно.

ЭНИ (Альде) — Живя со мной, он всегда весел, полон энергии. Само счастье наше неужели не оправдывает нас? ... А ее мы поместили в самую хорошую больницу.

ФИЛИПП (отдавая письма) — Ха-ха-ха! Никакой солидности у фирмы! »Алгоритмы идеально-регулируемого общества«! — да откуда эти алгоритмы брать, если еще ни один мудрец их не придумал? Нет, скажи, зверь, чем тебе это направление лучше нашего?

АЛЕКС — Да кой-таки какое преимущество в нем есть.

ФИЛИПП — Ка-кое?!

АЛЕКС — Я понял так: биокибернетика — это вмешательство в самое совершенное, что есть на земле — человека! Зачем?!.. Напротив, социальная кибернетика дерзает внести разум туда, где вечно был хаос и несправедливость, вмешаться в самое не совершенное из земных устройств — в человеческое общество.

ФИЛИПП — Так что это будет? Кибернетический социализм?

АЛЕКС — Тербольтм клянется, что еще даже лучше социализма.

ФИЛИПП — Да вздор! Шарлатанство! Тербольтм — фанатик. И никаких боевых качеств у него нет — для пробивания.

АЛЕКС — Ну, попробую добавить я.

ФИЛИПП — Да потом простое благоразумие: а государство? Да срубят вам всем головы, ты что уже — Каледонию забыл?

АЛЕКС — Вот как раз тут мое преимущество перед тобой: ничего не имея, я ничего не боюсь потерять. Как хорошо, что мы с тобой поговорили! В разговоре-то я и понял: я к ним пойду! Я должен к ним идти!

ФИЛИПП — Смотри! В надежде на успех...

АЛЕКС — В надежде? Нет! Ты не понял. Не в надежде, а в испуге! в боязни успеха! Я пойду к ним для того, чтоб не дать и им когда-нибудь со временем стать Левиафаном, только электронным.

ФИЛИПП (*холодно*) — Да? ... Ну, смотри. Смотри.

АЛЕКС (*кладя руку ему на плечо, задушевно*) — Я смотрю, Фил, — на тебя! Все эти месяцы. И давно хочу тебе сказать, что...

(*где-то близко — долгая сирена автомобиля*)

ЭНИ (*Филиппу*) — Надо идти.

АЛЕКС — Тебя зовут?

ФИЛИПП (*вставая*) — Да...

(*встают и женщины*) (*пауза. Все стоят*)

ФИЛИПП — И всё же, Ал, я думаю — ты не совсем потерян.

АЛЕКС — Я даже думаю — и ты. Тоже не совсем.

(*Альда взяла плащ*)

ФИЛИПП — Ну, ладно, хоть не мешай мне поговорить с Альдой. Она собирается идти, и мы ее проводим.

АЛЕКС (*делает задерживающее движение*) — Альда только что пришла. Никуда она...

АЛЬДА (*освобождаясь*) — Нет-нет, Аль, мне надо идти.

ФИЛИПП (*помогая Альде одеться*) — Перестань ты решать за других! Работу хорошую я могу предложить Альде? Ра-бо-ту?

АЛЕКС — Да разве важно — это? Альда!

АЛЬДА — А что — важно? Ты разве сам — знаешь, что важно?

(*уходят с Эни. Филипп треплет друга по плечу, тоже уходит.*)

Опустив голову, Алекс стоит посреди комнаты. Гаснет свет. Позади возникает сияние. Это вспыхнули яркие фары, бьющие в окно. Алекс подбегает к окну, распаивает его. Автомобиль, видимо, разворачивается. Затем, пронося лучи по комнате и воя мотором, минует окна.

Но сияние не померкло. Второй автомобиль повторяет маневр первого и так же проносится с по-

воротом лучей по комнате, с таким же воем великоколенного мотора).

АЛЕКС — Э-э, да они не одни приезжали! »Брызги бургундского«! И Тилия с Синбаром были тут. Корабли счастливых! . . .

(зажигается свет. Алекс понуро подходит, снова ставит магнитофонную ленту)

ГОЛОС ТЕРБОЛЬМА — А сейчас микрофон перенесут от меня к Нике. Она тоже хочет вам сказать.

ГОЛОС НИКИ — Алекс! С тех пор, как Филипп привез меня сюда зимой, он не был у меня ни разу. И я подумала: а если он мучается? Если он просто боится растравить меня своим здоровым видом, своими радостями — и только поэтому не приходит? Тогда отдайте ему эту ленту.

Филипп! Филипп!! Я знаю, что мне уже не встать. И ты — не стыдись, живи своей жизнью. Побеждай! . . . И люби — кого ты хочешь. Я тебя не упрекну . . .

Но один раз. Весной. И летом один раз. И один раз осенью — ты приходи ко мне, не стесняйся. Посиди у меня часок. И так разговаривай, будто всё по-старому . . . Ну, что тебе стоит, Филипп?! . . .

(пауза)

Алекс! А если он не потому не приходит — слушать ленты ему не надо . . .

(Алекс — в угнетенной позе.)

Откуда-то еле слышится мелодия одинокого рожка — это мелодия из »Зимнего пути«, та самая.

Алекс не видит, как за окнами появляется скорбная фигура Альды в черном. Она с опущенной головой очень медленно проходит мимо закрытого окна, останавливается у открытого, печально смотрит сюда, вовнутрь.

Затем так же с опущенной головой удаляется и еще неясно видна некоторое время при свете уличного фонаря).

(З а н а в е с)